

Над темой номера
работал

Институциональные рамки старости

Алексей
ЛЕВИНСОН¹

Какой возраст самый лучший?

Эта статья посвящена группе проблем, связанных со старением, положением людей старшего возраста в нашем обществе.

В практике социологических исследований, в особенности – общенациональных опросов, к каким относятся опросы, создающие эмпирическую базу данной статьи², возраст принято считать одной из основных детерминант, влияющих на мнения и реакции респондентов.

В Левада-Центре, на данные которого мы будем опираться, применяют, как правило, такую шкалу:

- Возраст (полных лет):
 - 18–24;
 - 25–39;
 - 40–54;
 - 55 лет и старше.

Где и кем проводится граница старости? 18 лет — возраст совершеннолетия, человек приобретает право участвовать в выборах. Что касается 25- и 40-летия, то практика исследований показала: на первом из этих рубежей, как правило, заканчивается молодость, а на втором — то, что должно, наверное, называться «второй молодостью». Сорокалетние – это самые молодые из тех, кто прошел первичную и вторичную социализацию в советское время, последние «советские люди» в демографическом смысле слова. В результатах наших опросов это отражается таким образом: по сорокалетним проходит рубеж, разделяющий общество на две части. Если есть проблемы, реакция на которые зависит от возраста, то главное различие в этих реакциях будет между теми, кто младше и старше 40.

В ответах на вопрос: «В каком возрасте сейчас начинается старость?» в опросах Левада-Центра 2005 и 2011 годов первый сгусток реакций дают именно сорокалетние. Применительно к более ранним возрастам практически никому (1%) не приходит в голову говорить о старости. А начиная с сорока, уже поговаривают (9%), чаще других — люди без специального образования (11%), женщины, у которых есть дети (11%), но нет мужа. Их доходы невысоки, они живут в небольших городах (13%), их участь им представляется невеселой. А невеселую участь они зовут «старостью».

Границу последней, самой старшей возрастной группы исследователи провели на уровне 55 лет. Рубеж (пенсионный возраст для женщин) установлен государством, принят обществом. В этой возрастной группе женщины, как известно, составляют большинство, их дискурс здесь определяющий.

Вот как распределились в 2005 году ответы россиян на вопрос: «Какой возраст, на ваш взгляд, самый лучший?» (рис. 1)³

Никто не назвал возраст моложе 4 лет, и никто (для нашей темы это существенно) — старше 65 лет. Средняя по ответам всех опрошенных величина падает на двадцать восемь с половиной лет. На приводимой ниже диаграмме, имеющей форму горы, этот возраст указывает на ее «вершину»:

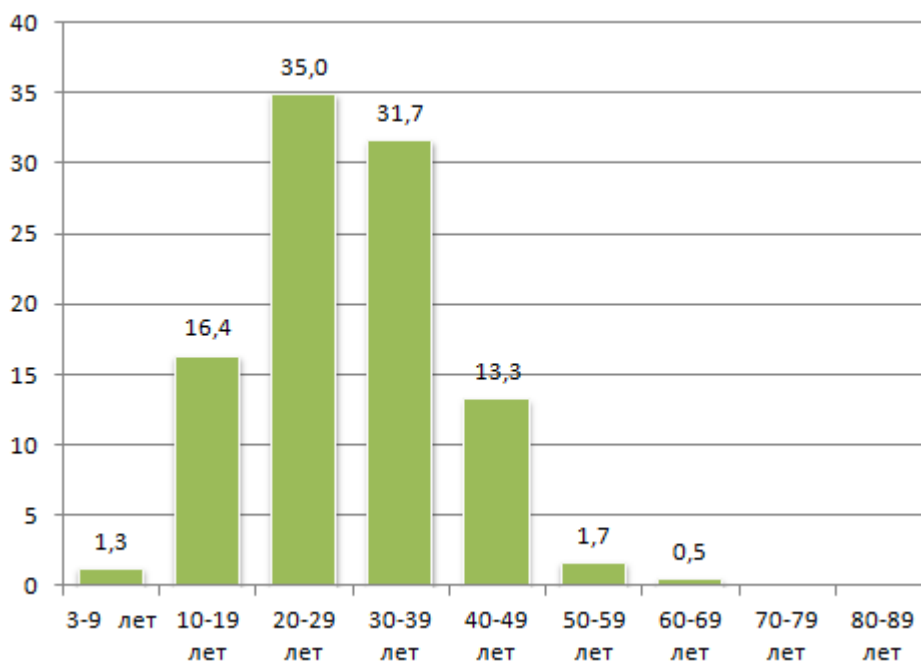

Рисунок 1. Какой возраст является наилучшим?

Рис. 1 показывает, что 66% ответов о наилучшем возрасте падает на отрезок жизни от 20 до 40 лет. Мы видим, что на индивидуальные ответы явно воздействует какой-то внешний фактор, в силу чего они оказываются похожими друг на друга. Разброс мнений относительно «лучшего возраста» невелик. По-видимому, это свидетельствует о том, что общество относится совершенно по-разному к разным периодам человеческой жизни, которые различные группы респондентов выделяют более или менее сходно, демонстрируя согласие в оценках. Перед нами последовательность «возрастов» как ценностно окрашенных аскриптивных (приписываемых обществом индивиду) статусно-ролевых комплексов.

Есть вполне закономерные отклонения: среди самых молодых почти треть называет лучшим возраст моложе 20, а среди самых старших четверть относит лучший возраст к периоду от 40 до 50 лет, на манер греческого «акмэ».

Рис. 2 демонстрирует, что даже эти крайние мнения, которые могут показаться чудачествами, распределены в обществе очень «правильно»: чем люди старше, тем чаще они переносят лучший возраст в «свою», вторую половину жизни.

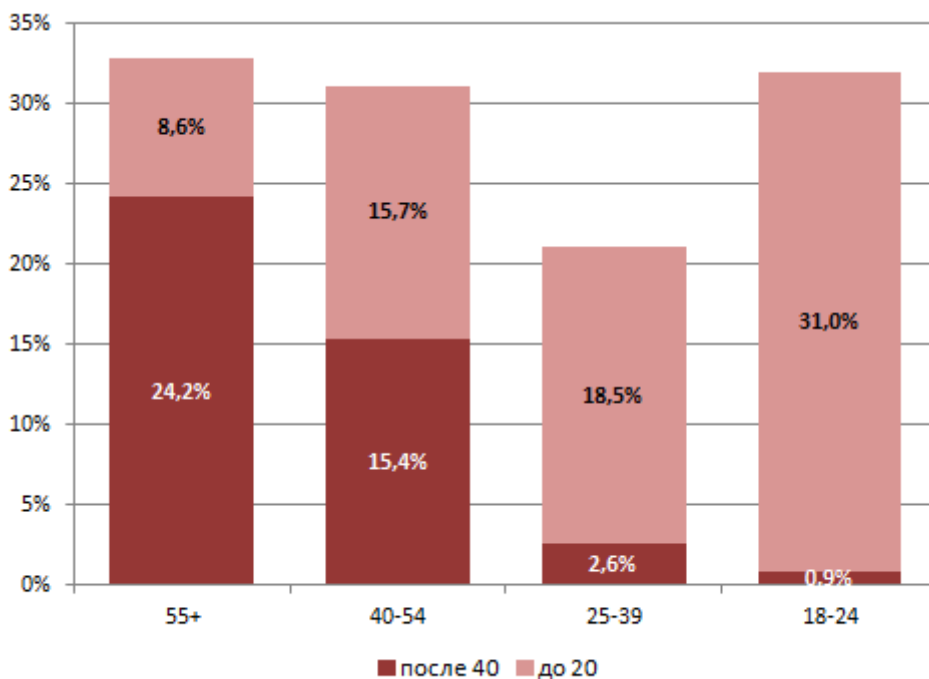

Рисунок 2. Лучшее время для жизни – до 20 или после 40?

Но в целом можно сказать, что основная дискуссия между поколениями идет по вопросу: лучшее время — незадолго до или вскоре после 30 лет? (рис. 3).

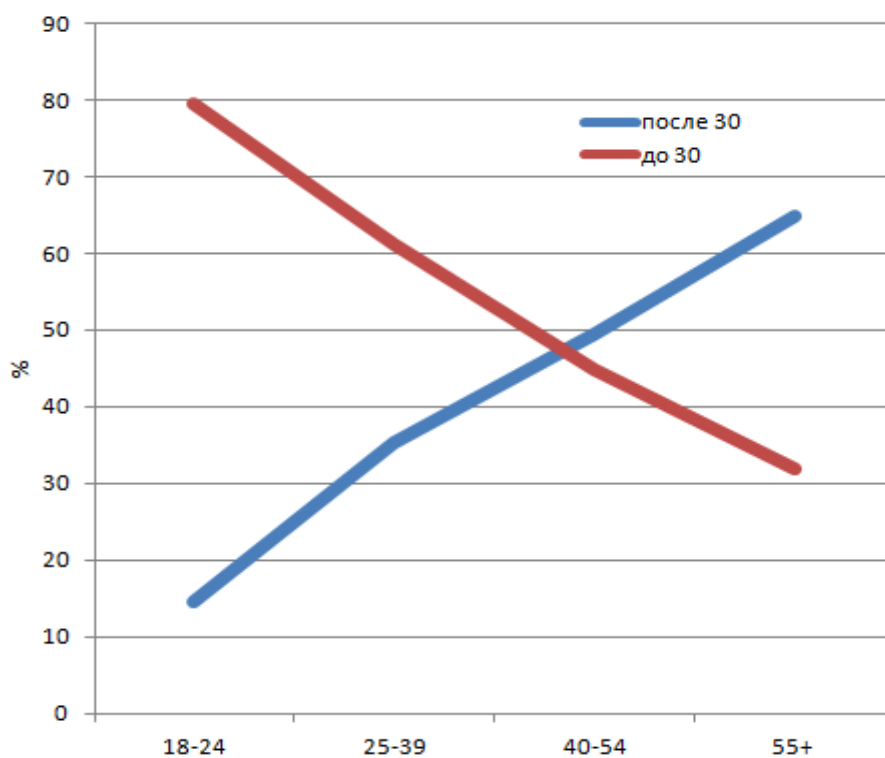

Рисунок 3. «Лучший возраст» – до 30 или после?

Казалось бы, каждое поколение хвалит собственный возраст. Но нет. По данным опроса получается, что, хотя старшие поколения склонны сдвигать пик бытия на более поздний возраст, они считают лучшим период, ими самими уже прожитый. А самые младшие, хоть и указывают на гораздо более ранний этап жизни, чем старшие, но в половине случаев ожидают, что лучшее время у них еще впереди. В возрасте же, который общество признало наилучшим, т.е. среди тех, кому 25–39 лет, не более половины видят самым прекрасным свое собственное время, а не менее трети считают, что лучшие годы для них уже в прошлом.

Подобные наблюдения напоминают нам о природе информации, которую доставляют опросы общественного мнения. Они показывают, что далеко не все ответы имеют происхождение в индивидуальном опыте. Напротив, роль субъективного опыта и его объективного отражения в ответах оказывается небольшой. Концентрация ответов на определенных жизненных фазах подтверждает аскриптивность оценки времен и возрастов в обществе. Говоря иначе, возраст — это измеренное социальное время жизни индивида со встроенной в него оценкой.

Действие нормы сказывается не только на ответах в ходе интервью. Само проживание времени происходит в соотношении с нормой. Можно указать на сконструированность соответствующих социальных образцов. Но стоит помнить, что иной реальности, кроме сконструированной, и нет. Она и есть жизнь.

Когда начинается старость?

«В каком возрасте сейчас начинается старость?» — такой вопрос задавался в 2005 и 2011 году россиянам в ходе исследований, проводимых Левада-Центром. Опрос проводился по стандартной выборке, репрезентирующей все население РФ в возрасте 18 лет и старше (1600 человек). Число включенных в выборку лиц, чей возраст составлял 55 лет и более, пропорционально их доле во взрослом населении страны (29%). Эта возрастная группа почти самая многочисленная (в возрасте 40-54 лет – 30%), потому в общих результатах опроса общественного мнения ответы ее представителей достаточно сильно, окрашивают вычисляемый средний результат.

Среднее по всем ответам значение возраста «начала старости» — 58 лет. Рис. 4 показывает распределение мнений всех жителей страны по этому вопросу.

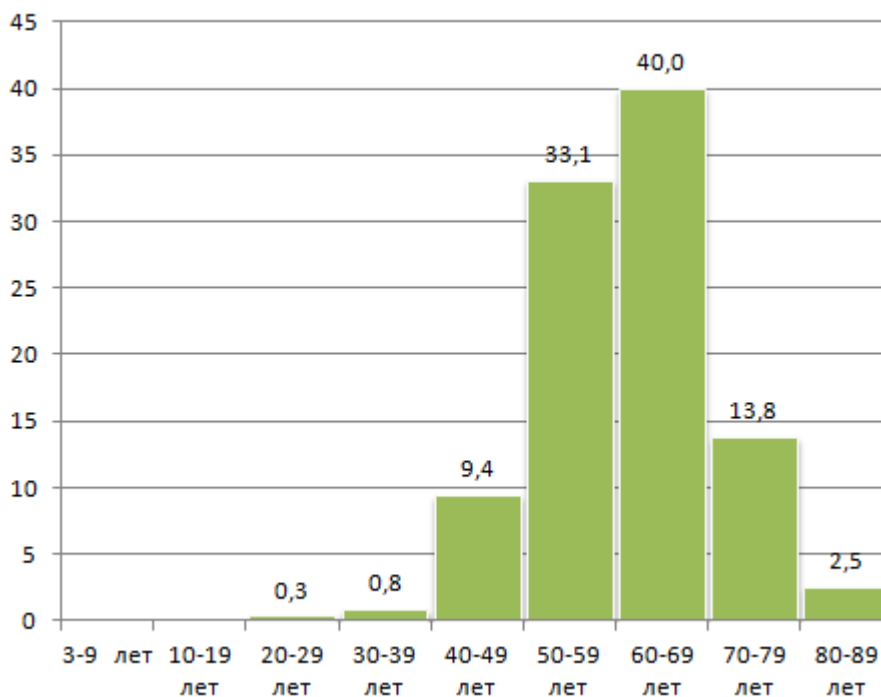

Рисунок 4. В каком возрасте начинается старость? (% от числа ответивших)

Но нам интереснее не мнение большинства, а позиции «экстремистов», тех, кто призывает записывать людей в старики либо необычно рано — до 50 лет, либо необычно поздно — после 65. Сторонников таких необычных взглядов набирается около трети в каждом поколении. Соотношение между количеством сторонников обеих крайностей в заостренной форме показывает, так сказать, направление вектора общественного мнения в каждом из поколений (рис. 5).

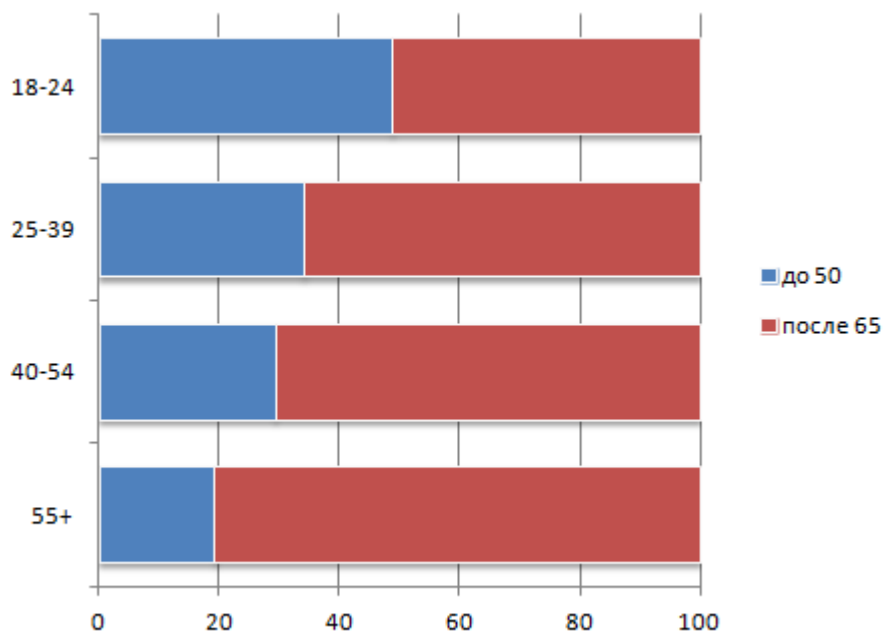

Рисунок 5. Когда начинается старость – ранее 50 или позднее 65 лет?

Рис. 6 показывает, что думают лица старшего возраста о лучшем возрасте и начале старости. Небольшая зона пересечения диаграмм означает, что где-то между 40 и 55 годами для некоторых старость уже наступила, но жизнь еще казалась прекрасной. Но в глазах абсолютного большинства россиян старость — отнюдь не лучший возраст, и лучший возраст — отнюдь не старость.

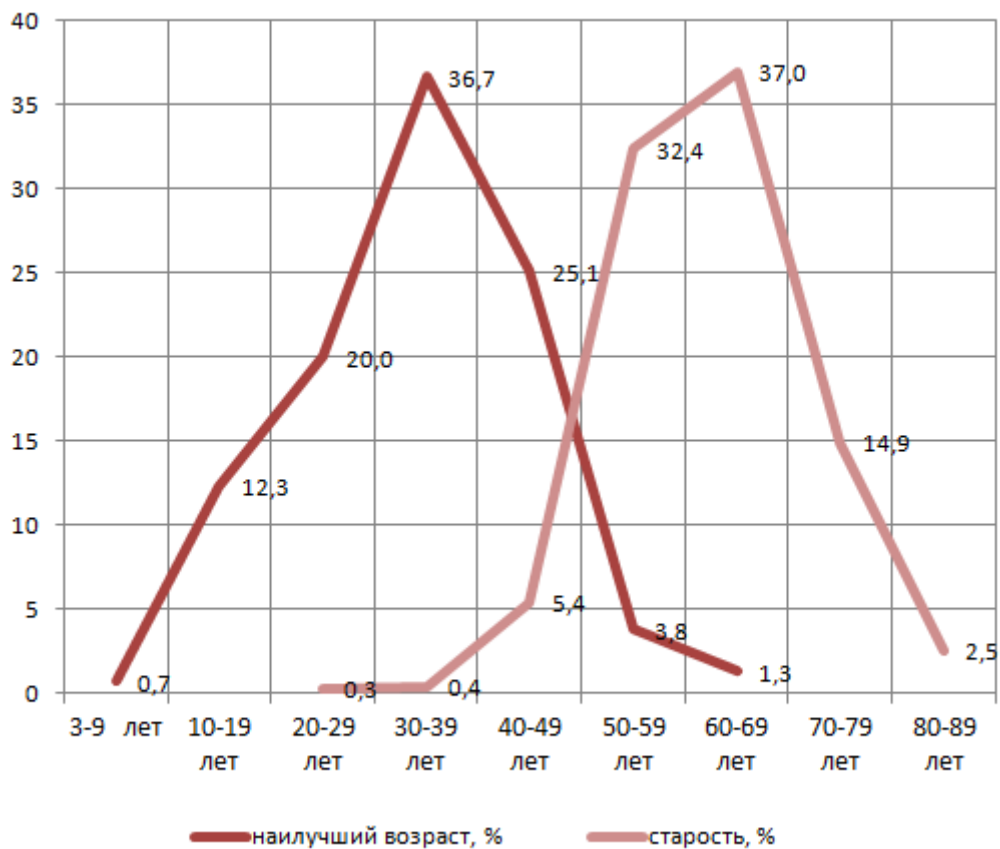

Рисунок 6. Представления о лучшем возрасте и старости респондентов в возрасте 55 лет и старше

А теперь рассмотрим представления людей в возрасте 18–25 лет. Как видим на рис. 7, в их сознании «лучшие годы» и годы старости практически не пересекаются: кончаются лучшие годы, и начинается старость.

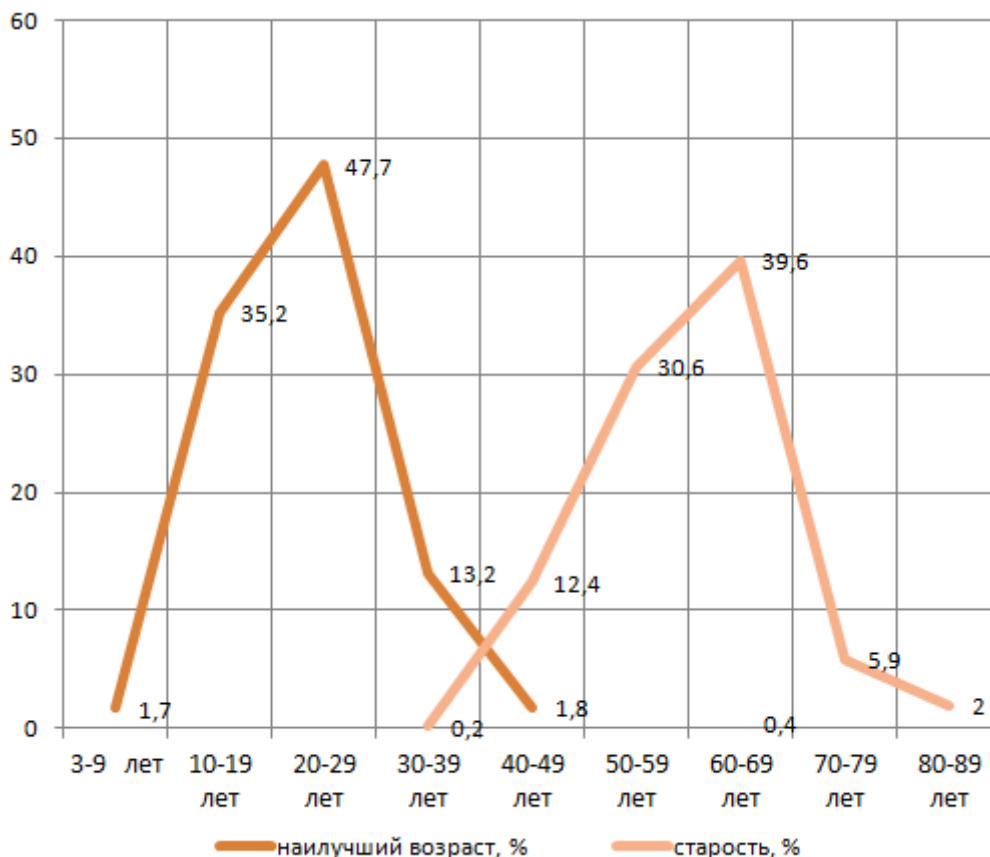

Рисунок 7. Представления молодых (18-24 года) о лучшем возрасте и старости

Констатируем еще раз: в сознании наших сограждан, увы, почти нет места для идеи старости как «хорошего возраста».

Старость, социальные статусы и права

Старость в социальном времени. В нынешней городской культуре каждый данный возраст воспринимается как общность социальных признаков человека, узреваемая извне. Образующие ее индивиды могут находиться в разных точках социального пространства. Однако большую часть истории человечества возрасты были не общностями в себе, а группами для себя. И не возраст был признаком и причиной принадлежности к категории. Напротив, принадлежность к (поло-)возрастной, (то же – статусной) группе определяла возраст. Именно этой принадлежностью определялась необходимость отвечать определенным ожиданиям, в т.ч. собственным, чем выработывались характерные психологические установки, определяющие как интимно-внутренние, так и внешне-ориентированные реакции, и как результат – определенные «возрастные» поведенческие особенности.

При компактном проживании в регулируемом традицией сообществе (село, община, двор) возрастные группы были первичными группами в смысле постоянного личного контакта и общения, систем непосредственного социального контроля, взаимовлияния и пр. и пр. Из этнографических описаний известно, что в разных культурах существовали «дома» для разных половозрастных сообществ (иначе говоря – гендеров). Социализация, т.е. превращение индивида в такого, чье поведение приемлемо для его окружающих, происходит в этих моногендерных коллективах и является групповым процессом. Далее индивид может покинуть этот тесный коллектив, стать «самостоятельным», например, завести собственную семью, собственный дом. Тогда социальный

контроль на уровне кровнородственной или соседской общины осуществляет далее поддержание норм, заданных в процессе социализации. Смена статуса совершается в процессе перехода из одной возрастной группы в другую. Это движение есть один из видов социального времени, переходы из группы в группу суть события, которые его образуют.

От конкретной культуры зависит, в какие группы агрегировано общество. Одной из таких групп является старчество.

Существование нашего общества, в котором жива память о позднесоветском времени, демонстрирует воссоздание возрастных групп, прежде всего применительно к крайним возрастам, т.е. к тем, которые не имеют полноценного социального статуса. Процесс социализации есть в этом смысле процесс постепенного обретения этого статуса. Эту сторону дела и имеет в виду понятие «взросления». Процесс взросления идет, во-первых, под контролем взрослых и, во-вторых, в рамках взаимоконтроля и взаимообучения в группах ровесников. Ясли, детсад, школа и армия, коллективные образования, охватывавшие в советское время почти поголовно младших членов общества, были построены по принципу возрастных групп - «классов», как их называли в девятнадцатом веке, подчеркивая статусный характер этого образования. Сегодня эти структуры продолжают существовать, постепенно теряя свой тотальный характер.

Переход из класса в класс выглядит как вызванный возрастом как «объективным» признаком или фактором. Нетрудно показать, что переход обусловлен правилами существования в классе, динамикой процесса социализации как такового, а не течением астрономического времени и возрастом как его выражением. Известны случаи-исключения («оставить на второй год», «перепрыгнуть через год обучения» и т.п.) которые именно это и доказывают.

Воспитание индивида происходит в значительной мере в рамках семьи. Но в нашей культуре существует понятие, что участие индивида в тех или иных возрастных группах, возрастных коллективах обязательно или весьма желательно. Не прошедшие эту форму социализации могут третироваться как социально-ущербные.

Возрастные классы, группы ровесников, имеют две разновидности. Одна – это формальные группы в институтах социализации (т.н. детские учреждения, а также учебные заведения и армия). Там происходит назидание, воспитание и обучение социально-неполноценных («несовершеннолетних») со стороны «взрослых»⁴. Другая разновидность – это неформальные группы ровесников, где происходит коррекция полученных от взрослых норм и образцов поведения, а также взаимообучение навыкам социального существования. Такие функции имеют и детские/молодежные коллективы, действующие как неформальные внутри формальных своих рамок – дворовая компания, школьный класс, курс вуза, «призыв» в армии. В этих случаях там складываются структуры внутреннего самоуправления. Они, как правило, построены по иерархическому принципу. Есть и полностью неформальные группы – компании, шайки, банды. Там, как правило, роль «взрослых» играют представители старших возрастов, сами еще не полностью взрослые.

Отношения возрастов в семье и в детских коллективах – это одна из первых форм господства-подчинения, неравенства статусов⁵. Обратим внимание на то, что в современном обществе установлена возрастная граница т.н. совершеннолетия. Она приходится на возраст 14-16-18 лет. Специальные ритуалы в этот момент – получение аттестата зрелости, паспорта, права голоса. Но на деле полноценный статус еще не достигается. Люди в этом возрастном состоянии называются «молодыми», и это значит – они не-взрослые. (Статус «молодого» в армии означает полную подчиненность «старикам», «дедам»). Характерно, что среди преподавателей российских вузов широко распространена манера называть студентов – формально совершеннолетних людей - «детьми». Этим они подчеркивают неполноправность подчиненных, расширяя свои права контроля и управления ими.

С момента создания семьи формы социального контроля над индивидом изменяются. На смену относительно большим по численности и рыхлым по организации группам ровесников приходит узкая и тесно зарегулированная группа – семья. В пределе это пара, пара супругов или пара

родитель-ребенок. (Молодая семья либо выделяется внутри семьи родителей, либо начинает жить отдельно.) Выделившиеся в самостоятельную семью индивиды рассматриваются как социально полноценные. Они получают права управления другими индивидами – собственными детьми. Возрастные объединения на этом этапе имеют ослабленную форму: это общение молодых матерей и молодых отцов вне дома, в течение ограниченного времени.

Вышеприведенные замечания призваны показать, что возраст как естественный и природный атрибут человека на деле есть комплекс социальных ожиданий и требований, предъявляемых к нему, прав, привилегий, предоставляемых ему, обязанностей, вменяемых ему. Эти регулятивы складываются в коллективах, имеют коллективную природу, хотя выступают как атрибуты индивида в соответствующем возрасте или атрибуты возраста как такового.

В зрелом возрасте роль первичных коллективов для социализации и контроля, как говорилось, снижается. Однако за определенным рубежом, называемым «старость», наступает частичная утрата социальной полноценности и вменяемости. И тогда характерным образом могут вновь включаться механизмы возрастных коллективов. Для стариков существуют дома престарелых. Одним из самых распространенных видов организаций, официально причисляемых у нас к организациям гражданского общества, являются различные организации ветеранов. Главным основанием для вхождения в эти организации является старший возраст – в соединении с теми или иными заслугами. Существуют и различные формы неформальных – как правило, соседских – объединений неработающих пенсионеров.

Отмеченные формы коллективного существования ровесников в старших возрастах выполняют роль поддерживающих в случае, если престарелый индивид теряет семью – собственную или семью детей. Эти формы самоорганизации престарелых отчасти разгружают более молодые возрастные категории от диктуемых нравами обязанностей по поддержанию существования стариков. Реципрокные обязанности стариков по отношению к более молодым становятся все слабее. Известно, что неформальные коллективы «на скамейке» пытаются выполнять – именно в качестве коллектива – функцию неформального социального контроля в отношении младших поколений, прежде всего – молодежи, но им это все реже удается.

Семейные роли как статусы. Здесь уместно более детально рассмотреть вопрос о соотношении категорий старость и власть/авторитет. В нашем обществе, вышедшем из традиционного, не полностью отработаны вопросы возрастных властных отношений в семье и обществе.

«Природный» характер власти родителей над детьми практически не подвергается сомнению в обществе. А вот идея природных прав ребенка как ограничения прав его родителей, вообще старших, только начинает получать распространение и признание в нашей социальной культуре.

Социально непроработанным остается сохранение взрослыми людьми статуса «детей» в семье. В период пребывания индивида в младших возрастах статус ребенка, дитя, сына или дочери означает и реляционную и абсолютную подчиненность всем «взрослым». С переходом в старшие возрастные группы, с обретением статуса «взрослого» индивид обретает самостоятельность, признаваемую другими. Но в рамках российской городской семьи не выработан механизм отключения статуса социальной неполноценности, вытекающего из принадлежности к реляционной категории «детей»⁶.

Родитель продолжает считать себя располагающим авторитетом и властью в отношении индивида, за которым по нормам данного общества теперь закреплен статус «взрослого». Этот статус – наивысший в возрастной иерархии. Он означает, что его носитель не подчиняется носителям других статусов. Но в ряде семей родитель взрослого человека продолжает считать себя обладающим правами взрослого по отношению к тому, кто относится к категории «детей», пусть теперь не возрастной, а реляционной. В нашем городском, посттрадиционном обществе нет нормы и ритуала прекращения этих родительских полномочий. Известны многочисленные бытовые конфликты на этой почве. Формой решения этих проблем часто является пространственное удаление, разделение семей, переезд «под собственную крышу». Однако иногда поддержание контактов по телефону или через периодические визиты сохраняет

отношения, при которых родитель выступает как властное начало, а сын/дочь как подчиненное. В психологии изучены соответствующие механизмы и порознь и как единый комплекс. Мы хотим обратить внимание на предшествующую психологии сторону дела.

Записанные в культуре роли/статусы образуют социальную систему, которая и задает рамки поведения сторон. Различные – от экономических до психологических же – факторы могут вести к эрозии этой системы в отдельных случаях. Есть культурные образцы, позволяющие ее заменить на другие отношения в диапазоне от нулевых до кооперативных. В рамках данного рассуждения нас интересует то, что основанием для этих властных отношений, покоящимся глубоко в структуре культуры, является принадлежность участников к одной семье, что обязывает их соблюдать кодекс именно семейных отношений, а в этих рамках они принадлежат разным классам. Эти классы неравноправны как поколенные. В родовом обществе, где сформировались такие отношения, выход из класса/поколения совершался коллективно и оформлялся соответствующими ритуалами. В нашем обществе эти классы остались как возрастные, где возраст регулируется внешними по отношению к данной семье измерителями, и реляционные, т.е. управляемые правилами внутрисемейных отношений, в которые общество вмешивается мало. В силу этого отношения в отдельных семьях определяются более частными причинами – субкультурами, семейными традициями, характерами участников. Измеряемый в годах возраст выступает внешней данностью, универсальной природной «нормой», с которой вступает в конфликт семейная норма на права и обязанности поколенных возрастов.

Старость и статусные классы. Точно так же старость выступает как институт, принадлежавший древней разметке общества на статусные классы. Старость, как уже было отмечено, в традиционном обществе переживалась коллективно, внутри соответствующего класса. В сегодняшней городской жизни старость задается несколькими параметрами, действующими не вполне согласованно. Первый параметр или критерий, который кажется очевидным, это общественное мнение по поводу того, когда начинается старость. Левада-Центр задавал подобный вопрос во всероссийских выборочных опросах в 2005 и 2011 году.

Очевидно, что это был вопрос о том, когда на человека ложится стигма «старого». Есть разброс во мнениях на этот счет между представителями разных социальных категорий. Предприниматели назначают рубежом старости 66 лет, военные - 65 лет, руководители - 62 года, служащие - 61 год, специалисты - 59 лет, рабочие – 58 лет, безработные - 57 лет, студенты - 56 лет. В среднем, по данным 2011 года, началом старости считают возраст 60 лет. Но, что касается людей, которым в момент опроса было как раз 60 лет, то они отодвигали возраст начала старости на 62 года. И лишь те, кому 62 года, признавали, что старость наступает именно в это время. (Это среднее значение их ответов, некоторые из них называли возрастом начала старости 40 лет, некоторые – 80 лет). Более детальный анализ показывает, что женщины в возрасте вплоть до 55 лет старость начинают отсчитывать ранее 60 лет, а после своих 55 лет – позже 60-летия. Среди мужчин мнение, что зачислять в старики можно только людей, которым не менее 60 лет, существует, уже начиная с 45-летнего возраста (а часто – и с 35 летнего).

В 2005 году усредненный ответ относительно возраста, в котором сейчас начинается старость, был 58 лет. В 2011 году среднее значение ответа было 60 лет. Два года – разница, которая лежит в пределах статистической ошибки. Однако в пользу того, что это не ошибка, говорит тот факт, что сдвиг оценки в сторону более позднего срока является систематическим. Он наблюдается в ответах и мужчин, и женщин. С 2005 года оценка мужчин поднялась на 2,5 года, оценка женщин – на 8 месяцев. При этом имелся и сохранился определенный разброс оценок рубежного возраста в зависимости от пола и возраста отвечающих. Общее правило таково, что люди в молодом возрасте ставят этот рубеж на более ранний возраст, а люди преклонного возраста – на более поздние годы. Так, в 2005 году люди в группе, где средний возраст 20 лет, указывали (в среднем) на возраст старости 56 лет, а в группе, где средний возраст 85 лет, считали (в среднем), что старость начинается в 63 года. Примерно такая же разница сохраняется в оценках 2011 года. Разницу в оценках возраста старости, полученных в 2005 и 2011 годах, можно предположительно объяснять идущим процессом старения населения. Мы видели в синхронных срезах и 2005 и 2011 годов, что чем старше люди, тем на более позднее время они отодвигают нормативную границу старости. Можно попробовать распространить это правило на все общество в целом, представить его субъектом мнения – общественного мнения - и считать, что чем более старым видит себя

общество, тем более поздний срок старения оно назначает. Сравнение данных по возрастным группам из опросов с разрывом в шесть лет показывает следующее:

В целом по ответам женщин оценка поднялась на 0,7 года. По оценкам мужчин – на 2,6 года. Таблица позволяет увидеть, что в целом именно мужчины в основном сдвинули оценку, при этом наиболее значительный пересмотр рубежей старости, как видно из табл. 1, обнаруживается в той самой группе, которая по версии 2005 года должна была бы переходить в старики. Эти люди подарили себе еще почти пять лет существования без стигмы старости.

Таблица 1. Изменение оценки возраста, когда начинается старость, от 2005 к 2011 году, лет

Возраст отвечающих	18-24	25-34	35-44	45-54	55-64	65+
Мужчины	-0,8	+2,5	+2,2	+4,2	+4,9	+3,3
Женщины	+1,5	+0,6	+1,1	-0,2	+0,7	+1,9

В ходе тех же опросов задавался вопрос о том, когда кончается детство и начинается взрослая жизнь. Показательно, что этот рубеж остался недвижимым. В среднем это 16 лет.

Таким образом, по воззрениям членов нашего общества, зрелое/взрослое состояние сейчас в нашей стране длится с 16 до 60 лет. Представляется, что эти границы, в общем и целом, совпадают с границами окончания школы в начале, и выхода (мужчин) на пенсию – в конце. Это рубежи действия больших институтов, недаром пересечение этих границ государственные инстанции обставляют ритуалами и отмечают выдачей специальных сертификатов: аттестата зрелости и пенсионного удостоверения. Отметим, что общество (если продолжать считать его самостоятельным социальным субъектом) весьма неохотно принимает попытки сдвинуть эти границы. Предложение со стороны государственных инстанций ввести 12-летнее обязательное обучение в школе в свое время, как показывали наши исследования, было встречено почти всеобщим несогласием и не было реализовано. Звучащие – в порядке прощупывания реакции – идеи сдвига пенсионного срока на более поздние годы встречают еще более резкий отпор. Так, по данным опроса, проведенного в сентябре 2011 года, отношение к тому, чтобы «законодательно увеличить возраст выхода на пенсию для мужчин – 65 лет, как это установлено во многих странах мира», было отрицательным у 83% населения. Такое же предложение по увеличению этого возраста для женщин до 60 лет встретили отрицательно 86% населения.

Возрастное право на секс. Наши данные позволяют сделать предположение, что то, что называется взрослой жизнью, называется так еще потому, что это состояние, при котором разрешена, точнее, в наименьшей степени репрессирована сексуальная активность индивидов. Самым общим рамочным правилом является то, что окончанием детства/юности (т.е. периода социальной неполной вменяемости) является вступление человека в сексуальное общение, а наступление старости - это выход из такового. Вот что говорят об этом наши данные (опрос 2011 года)

Как указывалось, временем начала взрослой жизни большинство наших сограждан, находящихся в возрасте 18 лет и старше, согласно называют возраст в 16 лет. Мы не располагаем данными о сексуальной активности 16-летних, но можно предположить, что именно тогда она по большей части и начинается. К 18-19 годам, а этот возраст уже охвачен нашими опросами, 16% девушек еще заявляют, что у них «нет сексуальной жизни», а к 25 годам доля таких заявлений падает до 2%⁷. Сексуальная жизнь, по самоотчетам опрошенных, начинает у женщин сворачиваться с 50 лет. В интервале 50-59 лет 16-17% женщин заявляют, что не ведут сексуальную жизнь. Но в 60 лет доля таких ответов среди женщин удваивается.

Сходная картина динамики сексуальной активности мужчин. 60 лет – это возраст, когда почти вдвое возрастает доля ответов о прекращении сексуальной активности. Среди женщин 65 лет и

старше доля заявляющих о том, что никакой сексуальной жизни у них нет, возрастает до 70% и выше⁸. Среди мужчин в этой возрастной группе такие ответы дают 61%, что видно из рис. 8.

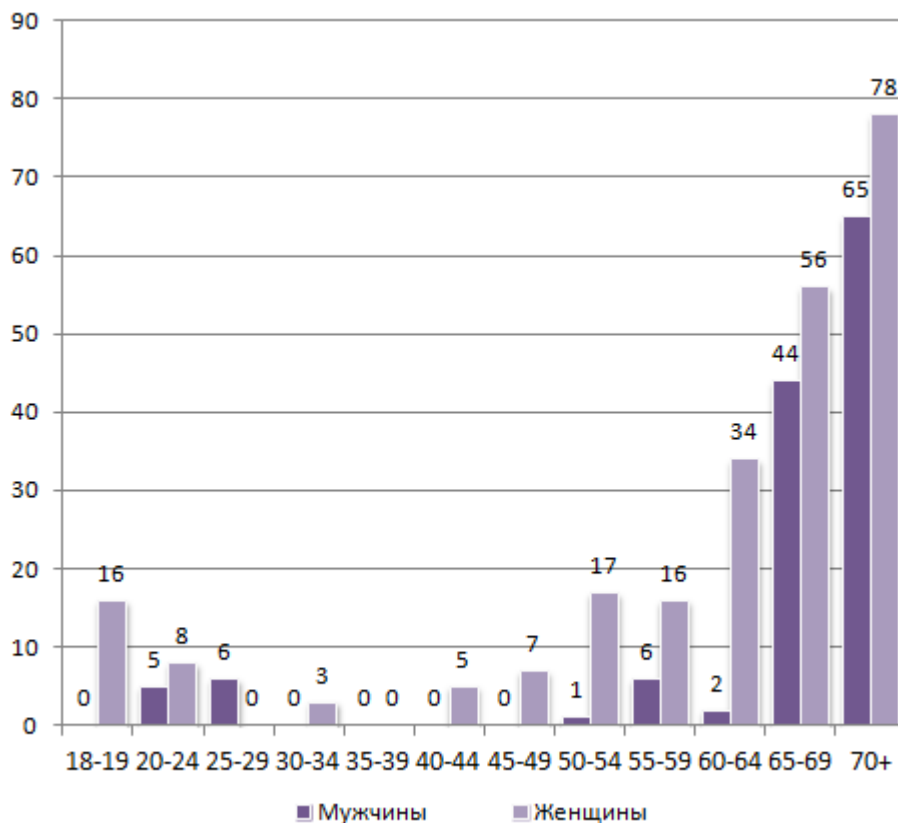

Рисунок 8 Ответ об отсутствии сексуальной жизни. Повозрастное распределение в % от числа опрошенных в каждой возрастной группе

Рис. 9 в условной форме (обращенный уровень ответов об отсутствии сексуальной жизни, приведенных на рис. 8) показывает, на каком возрастном рубеже начинает резко снижаться сексуальная активность мужчин и женщин.

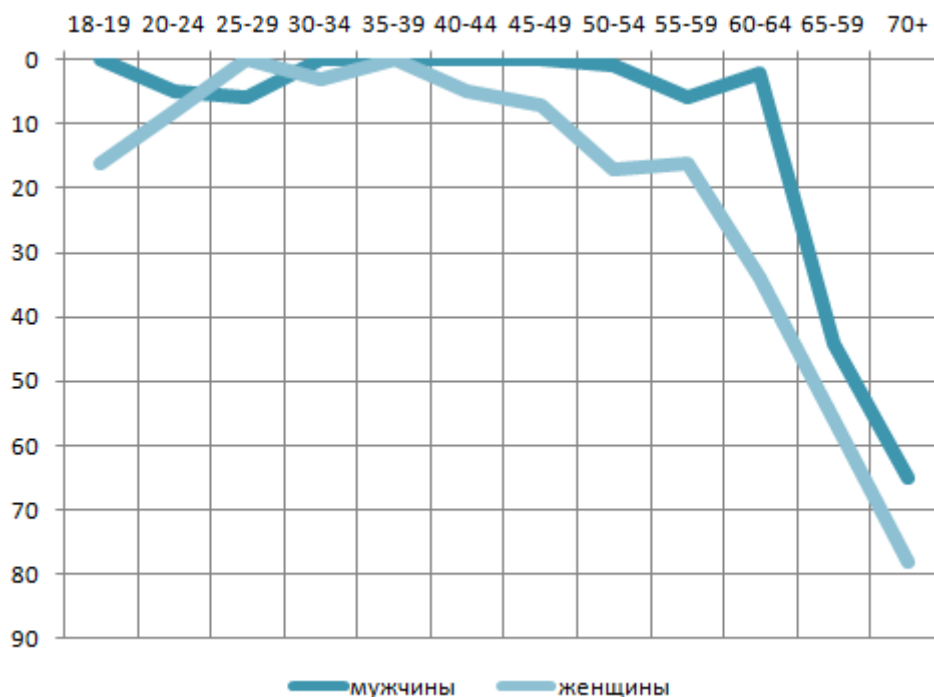

Рисунок 9. Возрастная динамика сексуальной активности (в условных показателях)

Мы видим, что шестидесятилетие – существенный рубеж в этом виде социальной активности. Сексуальная активность в старших возрастах не подвергается формальной регуляции, но зато в очень большой степени зависима от такого регулятора, как нравы. В традиционном обществе регуляция половой активности членов родовой общины осуществляется гораздо строже, чем в современном. Для старших возрастных групп, не участвующих в деторождении, она, как правило, просто не предусмотрена. В связи с этим мы имеем широко распространенные взгляды относительно того, что «старикам это не полагается». Контроль над половой активностью женщин в традиционном обществе вообще гораздо строже, чем над мужской. В этом смысле моральное давление, объявляющее половые отношения для женщин в старшем возрасте неподобающими, явно сильнее, чем для мужчин. (В посттрадиционном обществе это может принимать вид «научных» или «медицинских» запретов или объяснений, например гласящих, что с климаксом у женщин «естественно» должно пропадать сексуальное влечение).

Отмечая значимость шестидесятилетия как нормативной границы для сексуальной активности пожилых людей, обратим внимание и на противоположную сторону дела: эта активность у некоторой части опрошенных и в последующий период, по их заявлениям, продолжается. Сексуальная жизнь пожилых, наподобие однополых секса, встречает в общественном мнении негативную оценку. Но знаком того, что норма начинает меняться (точнее, сначала смягчаться), выступает переход санкции за нарушение такой нормы из наказания или бойкота в форму осмеяния, превращения этих явлений в объект для шуток, анекдотов, комических элементов публичных зрелищ. Перспективой, как показывает практика других обществ, является снятие табу на такие отношения, их легитимизация, а соответственно и утрата ими комического потенциала для все большего числа общественных групп. Обратной стороной этого процесса является распространение реакций одобрения, поддержки, уважения однополым парам, пожилым людям, решившимся сделать публичными свои интимные отношения, регистрируя их официально или демонстрируя их в ритуальных обстоятельствах приемов, гостей и пр.

Молодые старики

«Young old», «молодые старики», — парадоксальное словосочетание. Такую категорию ввели несколько лет назад западные маркетологи. Их внимание привлекла категория пожилых людей, обладающих двумя ресурсами: уже есть деньги и еще есть силы. Это наиболее молодые либо наиболее сохранившиеся из пенсионеров. Кроме того, это люди, решившие, что накопленные за всю жизнь ресурсы — деньги, силы — надо тратить теперь. Жизнь для них интересна — тем самым и они интересны компаниям, которые продают им товары и услуги, помогающие почувствовать и пережить то, что не довелось в предшествовавшие годы или продлить то, что было.

Известны широкие нормативные предписания для стариков: отличаться от молодых и зрелых людей, но реализация этих общих предписаний оставлена на усмотрение гораздо более узких сообществ, например, соседских общин, дружеских компаний, семей. Регуляторы процесса здесь не жесткие, т.е., не нормы, соблюдение которых обеспечивается санкциями. На их месте выступают или традиция и обычай, или вкус и такт. Репрессии за их нарушение менее формализованы, менее жестки.

В случае с сексуальным поведением, которое обычно бывает скрыто от посторонних глаз и может ни с кем не обсуждаться, социальный контроль осуществляется или в диадах, или самими индивидами за счет интернализированных норм и образцов. По указанным причинам снижение сексуальной активности после рубежа наступления старости (см. выше) не оказывается абсолютным и всеобщим. Как и другие источники, наше исследование показывает, что остаются индивиды, продолжающие свою сексуальную активность и после 60 и после 70 лет.

Для нашего общественного мнения такое поведение будет — сегодня — странным, маргинальным. Старость в нашем обществе, что обсуждается в настоящей статье, имеет два назначения. Из них первое - исполнение роли деда/бабки, помогающих своим детям - родителям своих внуков - с жизнеобеспечением последних. А второе — приготовление к смерти, в том числе, путем частичного ухода из жизни (инвалидность, старческие заболевания). Между тем, в целом ряде обществ, где раньше, чем в России, прошла нуклеаризация семей и раньше была отрефлектирована новая демографическая ситуация, старости были приданы новые смыслы и функции, и отключены некоторые старые. Подверглась почти полному удалению роль бабушек как «сидящих с внуками», т.е. с них были сняты эти обязательства перед младшими поколениями. В свою очередь семьи освобождают себя от обязательств ухода за престарелыми и потерявшими самодостаточность родственниками, передавая ее специализированным заведениям — приютам, домам престарелых, хосписам и пр. Сами эти заведения из социальных, т.е. бесплатных для обитателей, находящихся на государственном или муниципальном бюджете и в силу того, как правило, влачащих жалкое существование, становятся продающими своим обитателям или их семьям свои услуги за деньги, разделяясь, соответственно, по уровню обслуживания на категории от дешевых, где он низок, до дорогих, где он высок⁹.

Новая мораль, а с ней и новый тип отношения к старости еще только приходит к нам. Вместе с другими атрибутами «современности» она лишь начинает утверждать свои права. То, что преклонный возраст может быть связан не только с лишениями и страданиями, но и с удовольствиями, хорошо известно нашим пенсионерам, которые часто видят своих ровесников-интуристов, приехавших к нам развлечься, познакомиться с другой страной.

Во второй половине XX века в наиболее экономически развитых странах культурный и экономический прогресс привел к еще большему замедлению демографического оборота и еще большему увеличению срока жизни людей при высокой гарантии сохранения их здоровья. Биологическое по своей сути изменение режима воспроизводства населения повлекло за собой появление совершенно иного типа морали, иного отношения к человеческой жизни. Главным результатом однонаправленного действия различных факторов стало утверждение системы ценностей и норм, противоположных тем, к которым мы привыкли. Эта система предполагает, что в центре забот рода — личность, ее существование, ее жизнь¹⁰.

Экономическое развитие создало условия для того, чтобы работники, да и вообще жители страны, активно потребляли. Высокая производительность труда позволила сократить рабочее время и резко расширить время досуга, когда потребление идет наиболее активно — в том числе и досуга после окончания трудовой жизни, на пенсии.

Выход на пенсию многочисленной когорты людей, обладающих определенными средствами, в очередной раз изменил представления о старости. Пониманию старости как утраты смысла и цели жизни приходит на смену представление о старости как аналоге молодости. Это время познания — познания жизни, познания радости. Прошла (мы говорим о развитых странах) волна утверждения радостей секса после 60, 70, 80. Множатся курсы по изучению ремесел, языков, на которых пенсионеры в своем кругу или рядом с молодыми предаются познанию, учебе. Выше уже говорилось о путешествиях как форме досуга и познания для пенсионеров.

Встает ли вопрос о цели такого познания, и если встает, то, как он решается? В европейской культурной традиции ответ есть. Согласно преданию, накануне казни Сократ брал урок игры на флейте. Недоумевавшему — зачем? — он ответил: а когда же еще я успею этому выучиться?

Некоторые из самых первых российских «скоробогатых», сумевших и дожить, и сохранить богатство при всех его неоднократных переделах, сейчас приближаются к возрасту ранне-пожилых. Их пока недостаточно, чтобы составить поколение с его собственными манерами, стилем, формами общения. Но скоро, видно, появятся — и это будет российская часть описанных ранее young old.

Развитие демографических и экономических процессов в нашем обществе ставит одновременно две проблемы. Одна - это проблема необходимости удалить работающих лиц пенсионного возраста с их рабочих мест, чтобы дать возможность продвижения молодым. Экономический аспект этой проблемы состоит в том, что создание новых рабочих мест, которые могли бы быть предложены молодым работникам, происходит в последние годы медленнее, чем приход молодых на рынок труда. Особенность т.н. оживления экономики после кризисов 1990-х заключалась в том, что вместо создания новых рабочих мест чаще всего заново открывали старые, восстанавливая производство на предприятиях, которые «легли» в ходе прошедших кризисов. В таких случаях работодатели предпочитали или были вынуждены призывать на открывшиеся прежние рабочие места тех, кто на них трудился ранее. Вакансий для новых/молодых появлялось мало.

Но, как показывает опыт стран, идущих впереди России в развитии новых экономических и демографических тенденций, приближается рубеж, за которым начинается абсолютное сокращение числа трудоспособных членов общества. Проблема отсутствия вакансий для молодых работников решится или станет менее острой. Возникнет также экономическая, а за ней и социальная потребность в продлении нормативного трудоспособного возраста у старшей части работников. Повышение пенсионного возраста как принимаемая государством и работодателем мера в ответ на такую потребность, насколько известно, везде встречает протест той или иной интенсивности. Таких протестов следует ожидать и у нас; мы уже указали, что против такой меры по состоянию на 2011 г. выступали около 85% населения.

Но есть другая сторона дела. Это отвечающее новым реалиям изменение общественных воззрений на то, как подобает вести себя тем, кого зачисляют в пожилые и старые. Мы уже говорили об изменении норм или нравов в отношении досуга и секса пожилых людей. Обратим теперь внимание на трудовую и производственную сторону их жизни. В наиболее ресурсобеспеченных группах общества за последние десятилетия явно состоялись изменения в рассматриваемых нормах. При наличии строгих формальных возрастных ограничений на занятие некоторых должностей (например, профессоров, руководителей и пр.) в тех же средах неформальным образом поощряется продление существенных и ценимых видов социальной активности, таких, как научная, творческая, общественная деятельность. В нашем обществе, как мы отмечали, в прошлые десятилетия такой подход — в порядке исключения — существовал только для нескольких узких элит: академиков и членов высших руководящих органов. Теперь он распространяется на статусно менее высокие группы, на научное сообщество в целом, на ИТР многих предприятий, ППС многих вузов и др.

В этой динамике принято видеть только негативную сторону: «стареем», «остались одни старики», «молодые не идут» и пр. Такая оценка правомерна до тех пор, пока и поскольку с пожилым возрастом общественными нравами будут связываться непререкаемый консерватизм, ригидность и т.п. черты. Эти черты считаются природно заданными, физиологически обусловленными. Опыт отдельных творческих личностей, сейчас составляющих безусловно исключительный и узкий сегмент внутри старшего поколения, показывает, что непреложности в означенной корреляции нет. Изменение социальных требований к роли тех, кто сейчас числится в «пожилых», способно, как показывает опыт других стран, существенно изменить названные выше «природные» ограничения и рамки для старшего возраста. Разумеется, речь не идет о социальном эквиваленте эликсира молодости или отмене непреложности смерти и старости как социальной форме приготовления к ней. Имеется в виду появление новой возрастной категории перед собственно старостью, перед переходом в разряд социально-неполноценных членов общества. За неимением лучшего этот период получил обозначение как «четвертый возраст».

Опыт нашего общества в этой области практически отсутствует. У нас есть активно действующие люди пожилого возраста, но еще не сложились основания для их объединения в особую социальную категорию. Их судьбы все еще выглядят как «счастливые исключения». Когда такая категория сложится, можно будет ожидать, что она объединит людей, активность которых будет лежать в общественной сфере. (Для многих пенсионеров, как мы отмечали, сегодня полем общения оказывается либо семья, либо крайне узкий круг соседей-ровесников). «Четвертый возраст» будет обслуживать не только собственные интересы пожилых – чем заняты в основном советы ветеранов, советы пенсионеров и подобные организации. Эта категория людей не будет также выступать в качестве записной консервативной силы в обществе, на каковую роль чаще всего берут названные объединения. От этой категории общество вправе ожидать получения уникального продукта, того, который рождается на базе осмысления опыта в его соотношении с настоящим.

Демография, антропология и социология возраста

Проблематика возраста, рождаемости, смертности и иных процессов, называемых движением населения, достаточно давно обособилась в предмет такой социальной науки, как демография. Стоит вспомнить, что на изучении т.н. моральной статистики (чем позднее занялась именно эта дисциплина), были сделаны важнейшие наблюдения и открытия, легшие в основу представлений об обществе как предмете социологии. Речь идет, прежде всего, об объективном, то есть непреложном и не зависящем от человеческой воли характере этих социальных процессов. В своей объективности они вполне подобны природным процессам. Но о них же известно, что складываются они из массовых актов произвольного человеческого поведения, управляемого культурой.

Изучение общественного мнения средствами массовых опросов имеет то общее с демографией, что застает процесс и результат массовых стремлений, настроений, диспозиций как объективный и внеположный обществу. Одно из отличий этой разновидности социального исследования от того, которым является демография, заключается в том, что возможности обратной связи, общественной рефлексии и как результат воздействия общества на собственные установки здесь, пусть слабы и скудны, но они все-таки больше, чем в демографическом процессе.

Объединение в одном исследовательском социологическом предмете сущностей из обеих исследовательских областей, которое мы практикуем в данной статье, есть достаточно громоздкое предприятие. Оснований для того, чтобы это сделать, два. Одно состоит в остроте наступающего кризиса в воспроизводстве наличной общественной конструкции, второе – в том, что пусть очень слабые, но признаки осознания этого кризиса в обществе наблюдаются, и надежды на автокоррекцию массового поведения не полностью тщетны.

Части российского общества вместе с другими обществами на Земле движутся по траектории т.н. демографического перехода¹¹ и находят себя на разных его стадиях. Это переход от одного режима воспроизводства к другому. Демографы обычно описывают те стороны, которые касаются упомянутого выше движения населения. Тогда говорят о переходе от режима, сочетающего

высокую рождаемость и низкую продолжительность жизни, к режиму с противоположными характеристиками. Траекторию этого перехода уподобляют букве S, тем подчеркивая, что на разных этапах процесса параметры рождаемости, смертности, продолжительности жизни, детности находятся в разных сочетаниях. Различным фазам этого процесса соответствуют и различные состояния культуры, общественных нравов и норм, а также иных форм общественной саморегуляции. Для дальнейшего изложения особо подчеркнем такие регулятивы, как ценность и цель человеческой жизни, предписываемые каждым обществом его членам. Описываемый S-переход с этой точки зрения предстает как эволюция культурной системы, в частности, такого ее критического для многих обществ, в том числе и нашего, узла, как проблематика самостояния личности, ее ответственности за себя и общество.

В ходе этих трансформаций между режимами поддержания жизни и ее прекращения, между процессами рождаемости и смертности могут устанавливаться разные соотношения, что ведет к возникновению совершенно различных социальных ситуаций и конфигураций в обществах и общественных группах. Эти социальные ситуации предстают как формы и фазы состояния обществ, как периоды их истории, как формы их культуры, наконец, как цивилизации. Существование обществ, находящихся себя на разных этапах демографического перехода, с иных точек зрения предстает как эпизод истории цивилизаций, их столкновения и конфликта.

Очень может быть, что за столкновениями этносов, конфессий, цивилизаций, что считают основной драмой современности, следует видеть столкновение частей человечества, находящихся на разных фазах S-перехода. Остроту этому конфликту придает то, что присущие этим разным фазам культурные комплексы действительно базируются на разных – и не совместимых – антропологических посылах, ценностях и нормах социального поведения. Фазовые различия даже в рамках одной культуры в этом смысле глубже различий между культурами. Не стоит думать, что антропологические и социальные послы мусульманства и христианства «как таковых» противоположны. Христианство само возникло в тех демографических обстоятельствах, в которых живут сейчас магометане, и оно окормляло общества в другом режиме воспроизводства, нежели, тот, который сейчас практикуют, скажем, народы центра и северо-запада Европы. Достаточно сказать, что максима отдать «жизнь свою за други своя» - из этого вероучения¹², но уже не из этой фазы его существования в указанной части мира. Индивидуализм в этом смысле действительно есть падение нравов – старых нравов - и становление новых. Самоответственный индивид, когда приходит час, также отдает свою жизнь ради высших ценностей, но эти ценности другие, например, достойная жизнь человечества, свобода как таковая и пр.

Индивидуализм (примат ценности жизни отдельного человека и приоритетность прав отдельной личности) известен как одна из конститутивных черт цивилизации, которую по конфессиональному признаку зовут христианской, по политэкономическому - буржуазной, по геокультурному - западной. Как система культурных регуляторов он отвечает ситуации, когда воспроизводство общественного целого осуществляется через социальное производство и поддержание отдельных жизней, выступающих в качестве индивидуальных/неповторимых носителей социального и культурного капитала общества. Речь, в других словах, идет об обществе, которое себя воспроизводит через единственных детей, каковым полагается прожить долгую жизнь, сперва длительно накапливая, а затем длительно передавая содержание культуры этого общества. (Здесь мы возвращаемся к теме старости и сразу видим ее встроенность в самые драматические конфликты современности).

Российская общественная мысль приложила много усилий к тому, чтобы обозначить место России на культурной карте с полюсами «Запад» и «Восток». Принимая точку зрения «западную», обнаруживали в российской культуре и социальной практике множество признаков «незападной» ее природы, «азиатчины». Признаки эти в основном были связаны с приматом коллективных («соборных») начал в «народной жизни». Поскольку центральная власть в России легитимировала себя через связь с «народом», примат народного начала получал интерпретацию безусловного примата власти - самодержавной власти. Концепция такого властвования складывалась в обстоятельствах сочетания роста рождаемости, ставшего обгонять смертность, и больших территориальных приобретений, и потому формировалась как неограниченная власть суверена

над неограниченным по своим размерам царством: в нем сколько угодно людей и сколько угодно земли.

Новая реальность и старые подходы

Кто бы ни становился верховным властителем в России, он понимал себя именно так. И для местного, малого правителя оставались неограниченными человеческий ресурс и возможность распоряжения им. От Петра до Сталина Россия побеждала превосходством в живой силе. Знаменитая формула «бабы новых нарожают», это позиция генералов и маршалов, так обосновывающих свое право тратить «народ», тех, кого народили. Даже в мирное время «потери в живой силе» до определенного уровня считались в советских и считаются в российских вооруженных силах нормой, и не влекут за собой той ответственности командования, которую предполагают, например, несчастные случаи на производстве для руководителей такового.

До поры культура самого многодетного и многочисленного народа не воспрещала такое распоряжение его жизнями. Жалеть себя и подобных себе не приходилось – нас миллионы. Гибель в бою или в драке, от вина или от петли в такой культуре предпочтительнее смерти от старости¹³. При таком отношении к жизням молодых мужчин старых мужчин просто не должно было оставаться в сколько-нибудь значимом количестве.

Сегодняшняя Россия находится на другом этапе демографического перехода. Рождаемость среди урбанизированного (да и у большей части сельского) населения является стабильно низкой, население воспроизводит себя по преимуществу за счет единственных детей, что есть суженное и сужающееся воспроизводство. Большая часть населения России в отношении низкой рождаемости (но не в отношении высокой смертности) находится в том же демографическом положении, что население Западной Европы, западного мира в широком смысле слова. В последнем пребывание в состоянии, когда общество состоит из единственных детей, существенно повлияло на систему ценностей. Широко известные нам (заочно и со стороны) принципы, делающие отдельного человека, личность основной ценностью, имели свои предпосылки в культурной традиции западноевропейского общества, но стали общераспространенными и конститутивными для социальной организации общества именно в этой демографической ситуации. Общество воспроизводит себя через людей, каждый из которых уникален для своей семьи, а далее и для общества, для его институтов.

Ценность человеческой жизни, уже хотя бы как физического существования отдельного индивида, становится очень высокой. Успехи медицины и здравоохранения в целом создают возможность жить, быть живыми человеческими существами, которые в предыдущие эпохи считались и являлись нежизнеспособными и не участвовали в жизни. На этапе становления нынешней культуры малодетного общества отмечались попытки государственными мерами увеличить число или долю здоровых и избавиться от нездоровых. Мы имеем в виду евгеническую идеологию и практику в нацистской Германии. Что касается практики, то она у нас отсутствует, но идея и идеология привлекательны для части нашего населения. Это нам показали наши собственные исследования, а далее дискуссия в СМИ¹⁴.

Для большинства обывателей, как впрочем, и для многих профессионалов, характерна такая позиция: человеческие существа, чье психофизиологическое состояние отличается от того, которое воспринимается в общественном сознании как норма, должны быть удалены из общественной жизни, но само их существование должно поддерживаться. Для того существуют на содержании государственных и муниципальных бюджетов специальные заведения. Уроды и инвалиды обречены на социальную смерть, но на физическое выживание. Они должны содержаться в специальных закрытых учреждениях или, если они живут в семьях, то пребывать взаперти как горе и проклятие этой семьи, обязанной оберегать такого индивида от общества, а общество от него. Эта идеология и практика эксклюзии целенаправленно (прежде всего, усилиями институтов гражданского общества) искореняется в упомянутых западных обществах. Начало такого процесса отмечается и у нас¹⁵. Вот данные, полученные в ходе исследований ВЦИОМ и Левада-центра. Мы задавали целую серию вопросов о том, как следовало бы поступить с категориями людей, которые являются «другими» (или дословно «чье поведение отличается от

общепринятого»). Наиболее характерные трансформации пережило отношение к тем, кого мы в ходе первого исследования назвали «родившимися неполноценными».

Как видно из рис. 10, за период 1989-2008 годов общество прошло значительную дистанцию по изменению нормы на отношение к одной из категорий «других». Готовых дать ответ «ликвидировать» т.н. родившихся неполноценными стало гораздо меньше, они почти целиком переместились в число готовых дать ответ об оказании им помощи.

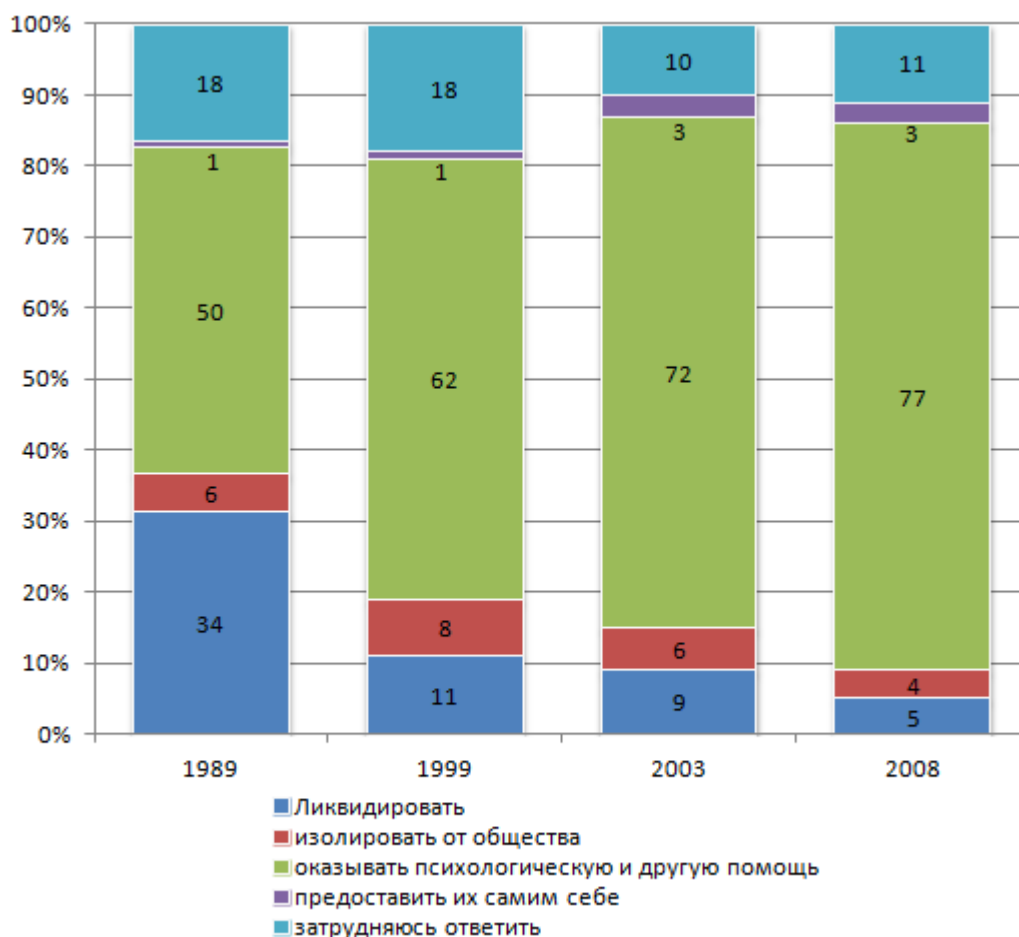

Рисунок 10. Установки на отношение к «родившимся неполноценными» (в % от числа опрошенных)

Вместе с тем, рис. 11 с данными 2006 года об отношении к «проблемным» группам населения – «если бы они оказались Вашими соседями» - показывает, что физические и умственные отклонения, болезни продолжают «отпугивать» вплоть до половины обывателей, но толерантное отношении – или хотя бы признание такого отношения за образец – характеризует другую половину.

Рисунок 11. Установки в отношении семей с т.н. «умственно неполноценными» (в % от числа опрошенных)

О распространении сочувствия, готовности помогать таким людям, как и негативных чувств в их адрес, говорят другие данные того же опроса (рис. 12).

Рисунок 12. Отношение к т.н. «умственно неполноценным» (в % от числа опрошенных)

Отношение к инвалидам, особенно – инвалидам от рождения или с детства, еще более того, – к тем, чьи умственные способности отличаются от статистически средних, претерпело сильнейшие трансформации в западной культуре. Мы связываем их именно с процессами «демографического перехода», хотя их актуальным политическим контекстом оказалось развитие гражданских институтов как часть процессов современного развития. По этой причине отличие нравов в нашей стране от этих трендов получило трактовку в рамках традиции «догоняющей модернизации». К нам стали приходить соответствующие установки – сперва как авангардные практики элитных групп общества, а затем, что весьма характерно, как директивные установки управляющих

инстанций¹⁶. Тема отношения к «другим», «не таким как все», из глубоко маргинальной вышла на острие политики.

Опыт показывает, что изменение отношения к жизням, которые сами не способны обосновать свое существование ни экономически, ни морально, и сами не способны его обеспечить, является системным. Если отыскиваются общие ценностные основания для того, чтобы такие жизни были сберегаемы не только специально выделенными общественными/государственными институтами (клиниками, приютами, интернатами и пр.), не только семьями, для которых это жизни родных, но обществом в целом, это сказывается на судьбе не только младенцев, но и стариков.

Напомним, что усилия по инклюзии, возвращении этих отверженных в общество, это лишь одна из манифестаций культуры, центрированной на индивиде. С разрушением госсocialистических коллективистских форм социального бытия индивидуализм своего рода приходит и к нам¹⁷. Меняется отношение к ценности личности – в первую очередь - среди женщин, в их качестве матерей¹⁸. Евроориентированная часть элиты, т.н. средний класс, в своих практиках воспитания постепенно также переходит к индивидуалистическим моделям, к пониманию отдельных прав личности. Но институты российского общества в этой части трансформировались очень медленно. А такой парадигмальный и образцовый для российской общественной системы институт, как армия, не изменился вовсе, и устроен так же, как был тогда, когда человеческие жизни производились семьями в массовом порядке и были, о чем говорилось, расходным материалом, воспроизводимым ресурсом для вооруженных сил.

Вопрос о том, какая у нас армия и каково отношение к ней, является в этом смысле вопросом о модальном возрасте отдельных групп нашего общества. Опросы относительно готовности направить своего ребенка (сына, брата, внука) на действительную службу дали такую картину: российское общество предстает расколотым надвое по отношению к тому, какая армия нужна стране – контрактная или набираемая по призыву, а также по вопросу об отношении к призыву: желать или не желать молодому человеку идти на срочную службу.

Но если говорить только о людях старшего возраста, то они в наименьшей степени информированы о положении в армии, их позиции в наибольшей степени определяются не актуальным жизненным опытом и актуальной ситуацией, а неким прошлым опытом и идеологическими установками. Для них армия предстает не столько институтом прямой социализации (воспитания и перевоспитания) пришедших туда по призыву молодых людей, сколько институтом косвенного воспитательного воздействия на все общество в целом. Для этих людей армия является одним из столпов государственности и государства, Они имеют в виду не реальную армию (о которой они или не знают, или которую не имеют в виду), а армию как символ¹⁹. В результате в неформальной сфере, в «обществе» милитаристическая природа российского государства поддерживается и воспроизводится не только и не столько за счет «военных», сколько за счет стариков и старушек. В этом проявляется консервативная социальная функция старости, о чем еще придется говорить, рассматривая ее как институт.

Старость в архаике

Сдвиги в возрастной структуре общества, изменение межпоколенческих взаимоотношений, в частности, уже упоминавшийся процесс «демографического перехода», влияют на отношение к жизни и смерти. Оно трансформируется, но не сразу и не во всех общественных группах одновременно. Поэтому в сознании общества сосуществуют отложения разных эпох, представления разных общественных групп, прослеживаются следы воззрений, имеющих весьма разное культурно-историческое происхождение.

С древности и вплоть до начала демографического перехода человечество воспроизводило себя так же, как большинство видов животных: за счет быстрой смены поколений и поддержания относительно большого размера популяции. В традиционных аграрных цивилизациях люди жили обычно до тех пор, пока участвовали в воспроизводстве — рождении детей и обеспечении их всем необходимым для жизни. Сюда относилось не только выращиваемое на полях, но и хранимое в памяти: песни, предания, сказки и пр.

Старость длилась недолго, и в этот период члены общества, уже не участвующие в производстве материальном, играли и доигрывали свои роли в производстве культурном и социальном. Известны старцы — носители родового предания, сказители и мудрецы. В той или иной степени эта роль возлагалась на каждого состарившегося человека. Подчеркнем, носителем мудрости человек становился не благодаря своим дарованиям, а в силу того, что он переходил в особый возраст.

Забегая вперед, скажем, что новоевропейское мышление перевернуло эти отношения. Как сказано у Шекспира, только достигший мудрости имеет право на старость. Но изначально мудрость, способность знать и помнить то, чего не помнят другие, приходила к людям с годами. Тому есть современные свидетельства: по рассказам фольклористов, в российских деревнях некоторые песни знают и поют только старики. Люди, не достигшие старости, этих текстов «не знают», но неожиданно для самих себя «вспоминают» их, когда входят в возраст «старых», т.е., людей, имеющих внуков.

Повторим, для ролей/статусов бабок и дедов в обществах архаического типа предусмотрен ряд функций, прежде всего связанных с первичной социализацией внуков. Эта функция осуществлялась в рамках (большой) семьи. В рамках общины в целом ими осуществлялась распределенная функция передачи традиции, предания, мифа. В некоторых обществах старикам вообще вручаются важные функции социального управления в общине: принятия важнейших решений, разрешения споров, прекращения конфликтов. Иногда такие функции бывали сосредоточены в руках отдельных представителей старшего поколения. Русские слова «староста» и «старейшина» связывают старый возраст, старость со старшинством, т.е., с особым статусом, предполагающим власть или распоряжение. В современном российском обществе внутрисемейная роль стариков в определенной степени сохранилась, а их роль в отношении общины – с исчезновением и родовой и соседской общины – редуцировалась до известной роли бабушек на лавочке, обсуждающих и осуждающих поведение представителей молодежи, но имеющих мало средств превратить свои осуждения в запреты, то есть осуществлять нормативный контроль. Бабушки как представители поколения стариков распространяют на поведение более молодых соседей не реально действующие нормы, но лишь нравы, нормы, лишившиеся санкций. Иногда, о чем тоже шла речь, старые люди объединяются в организации (т.н. советы ветеранов) и получают некоторое влияние на жизнь микрорайонов, небольших городов. Но чем более урбанизирована среда, тем слабее эта остаточная функция социального контроля, признаваемая за старшим возрастом.

На этом фоне ослабления указанной руководящей роли старцев и старейшин в собственно русском обществе показателен его интерес к случаям сохранения этой роли у других народов, который выполняет функцию символической компенсации утерянного. В русской среде принято позитивно оценивать обычаи тех соседних народов, у которых сохранилось «уважение» к старикам и старейшинам. Об уважении к старикам в обществах, которые в остальном расцениваются как более «отсталые», принято говорить с интонациями уважения и ностальгического сожаления.

Возвращаясь к реконструкции социального положения стариков в архаических обществах, отметим, что для несомой ими функции социальной памяти существовали порой достаточно жесткие пределы²⁰. Община защищала себя от чрезмерной архаизации. Социальную роль стариков - если она не прекращалась «естественным» путем, их умиранием от старости как физической слабости - прерывали искусственно. Иногда такая функция возлагалась на семью, иногда она осуществлялась общиной в целом. Во многих аграрных обществах сложились традиции такого искусственного прекращения жизни стариков. Не надо думать, что это делалось лишь под влиянием рационального расчета, чтобы избавиться от «лишних ртов». Работал гораздо более сложный механизм, целью которого было поддержание баланса традиции и новации, жизни и смерти, отношений этого и того мира. Умерщвление не имело ничего общего с преступлением из корыстных побуждений или убийством врага. Надежно защищенное ритуалом и его мифологическими интерпретациями, переселение стариков в страну предков у славян, например, помещалось в контекст праздника весеннего обновления природы. Не скорбь, а веселие, разгул сопровождали катания, завершавшиеся спуском стариков «на саночках» или «на рогожке» вниз, в овраг²¹.

Мы не знаем, как относились сами старики к своей участи. Ритуал был зафиксирован уже тогда, когда умерщвление заместилось театрализованным действием, смысл которого был неясен самим участникам. По сохранившимся элементам обряда можно судить, что «старик» или «дед», посланец в страну предков, во время совершения ритуала наделялся особыми правами, которые в обыденной жизни не полагались ни ему, ни кому-либо иному. Такое отношение к ушедшим сохранил современный обычай похорон: покойному принято оказывать особые знаки уважения, даже если при жизни его не слишком ценили. Реконструируемый обряд, в отличие от похорон, начинался прежде смерти при активном участии «старика», который лишь в ходе ритуала лишался жизни.

Противоречила ли эта практика чувству любви, привязанности к уходящим? Вообще, как утверждают антропологи, обычай, диктующий всеобщие и обязательные правила поведения, действует повелительно и безусловно. Поэтому можно предположить, что и при совершении ритуального умерщвления обычай был способен блокировать, отключать индивидуальные чувства, аффективные связи, а значит, избавлять людей от чувства горя, вины и утраты.

От тех архаических времен в нашем сознании остались представления, что жизнь должна быть завершена в свой час, когда живущий обязан уйти. И даже более того: что у старого человека, вырастившего внуков, нет иных общественных обязанностей, как только освободить мир от своего присутствия. Следы этих воззрений легко обнаружить в реакциях людей при известии о чьей-либо смерти. Смерть в молодом возрасте воспринимается как противоестественное, смерть старого человека — как естественное событие. За словом «естественное» стоит признание некоего должного порядка вещей. С ним соглашаются и сами старики, говоря о себе: «Зажилась», «Пора мне» и т.п., даже если при этом они надеются, что окружающие станут им возражать. Случается, кто-то высказывает мнение, что больной бабушке «надо помочь», не рассматривая такую «помощь» как убийство. В особенности, если этот исход приносит пользу более молодым членам семьи, например, освобождает для них комнату в квартире²². Ясно, что современный уголовный закон квалифицирует подобные действия как преступление, такое же, как и любое другое убийство. Но если говорить о нравах, о бытовой морали, то в зависимости от социальной группы преклонный возраст и немощность жертвы могут быть смягчающим либо, наоборот, отягчающим обстоятельством.

Смена воззрений на ценность человеческой жизни есть, повторим, следствие смены режимов воспроизводства населения. Сейчас отметим скорость этих перемен. На протяжении каких-то десятков лет значительная (и особо значимая для нас) часть человечества кардинально изменила способ приспособления к среде, поддержания размера популяции. На смену быстрому обороту поколений при многочисленности составляющих их индивидов пришло сокращение численности новых поколений при увеличении средней продолжительности жизни. Наше общество пока не успело приспособиться к этому новому состоянию. Проблема старости оказалась в самом центре еще не разрешенных противоречий.

За те два-три поколения, что отделяют наше общество от патриархального деревенского быта, оно не изжило полностью традиционного отношения к старости. В общественном сознании сохраняются следы представлений, что старики являются носителями какого-то особого знания, которое они должны передать самым молодым. Остаются и представления о том, что состарившиеся люди должны уйти. То же думают о себе и старики. Собственно, они вынуждены думать о своем опыте и знаниях как о чем-то безусловно ценном — вне зависимости от конкретного содержания последних, и думать о своем существовании как безусловно лишнем, вне зависимости от его реального наполнения и от обстоятельств жизни. В этом состоит внутренняя проблематика старости. Потому-то старики и пристают ко всем со своими соображениями и воспоминаниями и в то же время мучаются тем, что «мешают».

Следы описанного слоя представлений о старости тем явственнее, чем слабее включенность социальных субъектов в то, что именуется нормативной культурой, чем ниже их оснащенность присущим ей символическим капиталом и прежде всего книжными/школьными знаниями. В сознании образованной части общества эти архаические мотивы представлены в ослабленном виде. Их подавляет другая система воззрений. Исходным в этой публичной и бытовой философии

является утверждение абсолютной ценности человеческой жизни безотносительно к тому, чья это жизнь — младенца или старика, мужчины или женщины. Такие универсалистские и секулярные по своей природе взгляды суть дальние изводы этики Возрождения.

Пенсия как символическая смерть

Сложившееся среди гуманистов представление о жизни как ценности и о неотъемлемом праве каждого человека на жизнь стали основой многих институтов современности - как формальных, принадлежащих социетальному уровню, так и неформальных, находящихся на уровне первичных сообществ. Декларируемой целью этих институтов является сохранение и обеспечение жизни членов общества, что на языке государства называется социальным обеспечением, здравоохранением, техникой безопасности и пр. Цель малых сообществ точно такая же, но она носит имя любви к своим близким.

Смерть как постоянная угроза, отводимая усилиями институтов обоих уровней, является негативным регулятором этих процессов поддержания жизни. Идея смерти нагружена в нашей культуре важнейшими регулятивными функциями. Коль скоро жизнь объявляется наивысшей ценностью, то средством утвердить ее в этом качестве является указание на ее противоположность - смерть. Смерть, соответственно, выступает в большинстве дискурсов как наихудшее или абсолютное зло. Это делает смерть важнейшим многофункциональным общественным инструментом. На страхе смерти держатся институт власти, институт войны, правоохранительные институции и институт охраны, и многие другие. Непризнание того, что смерть есть предельное зло, обесценивает названные институты современного общества. Так, не находится эффективных мер профилактики бытовых или ритуальных самоубийств, еще менее — самоубийств политических или угроз самоубийств, в частности, практики голодовок, самокалечения и иных способов уничтожения своей жизни в местах заключения. Человек, не боящийся смерти, знающий худшее зло, чем смерть, неуправляем.

Имея коллективистскую природу (примат ценности рода над ценностью жизни отдельной личности), этическая система, получившая наименование «советского гуманизма», тем не менее, также уже исходила из ценности жизни как таковой. Старая, «родовая» логика вела к тому, что миллионами жизней платили за победы и производственные успехи или просто за сохранение власти. Но логика новая требовала создавать учреждения для сбережения жизни младенцев и матерей, старух и стариков. Пенсионное обеспечение ввели сперва для городских работников, потом и для сельских.

Идеологическое сопровождение этих мер строилось на противопоставлении архаической морали, господствовавшей вплоть до первых десятилетий XX века, и «новой морали». Наше сегодняшнее отношение к старости и ее символу, пенсии, представляет собой смесь этих противоположных друг другу толкований.

Не входя в историю вопроса о введении пенсий, отметим, что для нашей страны принятие на себя государством обязательств пенсионного обеспечения было одним из самых значимых вариантов социального контракта. Социальная эксклюзия стариков была санкционирована государством. Введением обязательного для всех пенсионного возраста накопленный пожилыми людьми опыт был объявлен утратившим значение. Законодатель предусматривал выведение этого опыта из оборота. Социальная смерть стариков уподобилась их физической смерти в архаических обществах. Недаром современные ритуалы проводов на пенсию более чем сходны с ритуалами прощания с покойным. И сам человек, бывает, воспринимает пенсию как «черную метку», посланную ему от имени общества, как знак «пора уходить» — и потому она может вызвать у него грусть или негодование.

Но в то же время пенсия несет в себе жизнеутверждающую символику. Она распространяет на старость предикаты жизни. Прежде всего, это признание общественной необходимости человека. Общество как бы отменяет требование «ухода». Хотя пенсия назначается с некоторым учетом заслуг, статуса, заработков в так называемом трудоспособном возрасте, она воспринимается пожилыми людьми как признание их общественной необходимости в силу самого достижения

преклонных лет. Пенсионное обеспечение по старости переозначивает поздний период жизни. Он не перестает быть временем приготовления к тому, чтобы и обществу, и близким было удобно расстаться с человеком. Но поверх архаического слоя значений накладывается иной, ресемантизирующий эту же действительность. И российские пенсионеры восприняли новый сигнал от общества: они демонстрируют политическую и гражданскую активность, не имеющую параллелей в других статусно-возрастных группах.

Публичный, декларируемый современным российским обществом подход к смерти таков: смерть человека есть зло и горе, мечта человечества — бессмертие. Но наряду с ним существует другой, тоже публичный, «научный» дискурс, который берет начало в европейской новейшей истории. В нем, исходя из общественной необходимости смерти, жизнь признается высшим, но ограниченным для каждого человека благом, которым он не может пользоваться беспредельно. Человек должен уступать место другим. Ясно, что в таких условиях смерть теряет качества зла — если не публично, то в умолчании.

Существует и «практический» дискурс, который исходит из того, что век пенсионера не должен быть слишком долгим, иначе пенсионеров не прокормить. Идеи укоротить этот период если не «сзади», то «спереди», за счет более позднего пенсионного возраста, регулярно становятся предметом обсуждения во властных инстанциях и прессе.

Старость-медиатор. Никакая культура, никакое общественное сознание не могут утверждать исключаящие друг друга подходы к одному и тому же символическому объекту, если нет общественно санкционированных средств медиации, средств перехода от одного к другому. В диалектике жизни и смерти таким медиатором является старость. Она — главный, хотя и не единственный посредник между общественной необходимостью жизни и общественной необходимостью смерти. Помимо старости в этой роли выступают казнь, война, болезнь, катастрофа и ряд других общественных институтов. Они делают смерть, немислимую и невозможную, понимаемой и приемлемой.

В нашем светском обществе старость служит растянутым во времени ритуалом приготовления всех участников этого ритуала к смерти одного из них.

Время старости маркировано тем, что индивид утрачивает существенные атрибуты жизни. Он теряет физическую силу и способность коммуникации, понимаемую как способность к речевому, силовому, сексуальному взаимодействию, к визуальному, ольфакторному контакту и др. В течение этого периода должны исчезнуть и другие существенные социальные признаки, из которых главнейший — сознание себя и своей идентичности. Современному сообществу удобно думать, что это происходит «объективным» путем, за счет развития сенильных расстройств — старческого слабоумия, маразма, болезни Альцгеймера и пр. Нам неловко признаться, что стариковская неадекватность, имеет она «объективные» причины или нет, является прежде всего вмененной. Она задана как норма всем участникам ситуации, в том числе и самим старикам, с тем, чтобы они применили ее к себе.

После совершившейся десоциализации общество или малое сообщество может считать себя свободным от обязательств перед своим членом. Смерть как легитимное прекращение его существования делается возможной.

Приготовление к смерти (задача, стоящая не столько перед стареющим человеком, сколько перед его окружением) есть социальная программа, но каждый индивид воспринимает ее как объективную, в этом смысле природную закономерность. Можно ей подчиниться или сопротивляться, можно состариться раньше срока или быть удивительно бодрым для своих лет, можно играть роль старого или навязывать ее тем, кто старше (например, чрезмерно опекая или снимая с них бытовые обязанности).

Навязанная старость

Кто делает людей стариками. В позднесоветском обществе существовала достаточно прочная конвенция, определявшая момент наступления старости, по крайней мере, для рядовых людей. Для нерядовых она не имела силы — это их и выделяло. Имелись конвенции и о других этапах жизни, например, о наступлении зрелости. Известно, что в упомянутый период этот этап оказывался очень поздним. Исследования ВЦИОМ, проведенные в самом начале 1990-х годов, показывали, что молодость у многих общественных групп затягивалась почти до 40 лет.

Бурные перемены 1990-х годов сломали систему соответствия статусов и возрастов и позволили людям, иногда не достигшим еще совершеннолетия, занять позиции предпринимателей, имеющих доходы во много раз большие, чем их родители. Ситуация напоминала эпоху гражданской войны, когда в 16 лет можно было стать командиром полка. Этот революционный период уже позади. Столь ранняя социализация больше не характерна для нашей жизни. Но новая социально-экономическая среда привела к необычно ранней десоциализации.

Люди, достигшие сорока лет, в массе своей не могут претендовать на «хорошую» работу, с зарплатой, которую на современном языке называют «достойной». Речь идет не о работе высококвалифицированной, где вопрос о найме решается индивидуально, но о деятельности, скажем, в сфере услуг. В объявлениях о таких вакансиях способность к труду, профессиональная пригодность людей старше 40 ставится под сомнение или отрицается не в результате проверок, а заранее, априори. Возникает аналогия с пенсионным возрастом. Начиная с 1990-х годов работодатель часто пишет в объявлениях о приеме на работу: «Вниманию лиц до 35/40 лет...» Интересно отметить, что основным аргументом тех, кто выражает возмущение такой политикой, оказывается противопоставление самочинно установленного предпринимателями барьера в 35–40 лет барьеру «государственному» — пенсионному возрасту. При этом первый воспринимается оскорбленными соискателями работы как произвольный, выдуманный наглými хозяевами, а второй — как естественный.

Описанная возрастная дискриминация при найме на работу характерна, прежде всего, для случаев приема на работу, которая оплачивается относительно высоко, и где потому имеется конкуренция соискателей. В результате такого механизма селекции, действующего в массовом масштабе, усугубилась наметившаяся в девяностые годы тенденция перераспределения общественного богатства по возрастной пирамиде от старших к младшим. В итоге внутри трудоспособного населения места с наиболее высокими заработками заняты более молодыми, места с низкими — пожилыми. Из этого правила немало исключений, важнейшее представляет собой ситуация с самыми молодыми работниками, лишь входящими на рынок труда. Они претендуют на относительно высокооплачиваемые места, ибо нормой стала описываемая выше ситуация, что молодые должны хорошо зарабатывать. Но работодатель в условиях сохраняющегося пока избытка предложения рабочих рук предпочитает брать людей молодых, но с опытом работы по данной специальности, что вынуждает самых молодых искать специальные средства трудоустройства (знакомство) или соглашаться на низкую оплату своего труда. На низкооплачиваемых местах они оказываются в конкуренции не с ровесниками, а с пожилыми работниками, находящимися в предпенсионном или пенсионном возрасте. Пока демографическая ситуация не изменилась, — а она скоро изменится — присутствие таких стариков оказывается препятствием для продвижения молодых и порождает характерные для таких обстоятельств конфликты.

Советский человек как старый. Советский человек как следует из самого предиката «советский», определен как человек государства (советского государства). Это означает его врученность государственным институтам. «Бесплатные», то бишь, государственные системы социального (в широком смысле, включая, в частности, медицинское) обеспечения, особо активно действовавшие на границах жизни, обслуживая детство и старость, как подчеркивают эксперты Левада-центра²³, отбирали у человека его субъектность. В условиях такого обеспечения человек не получал ответственности ни за жизнь тех, кто его родил, и кого он родил, ни за свою собственную. Заметим, развивая эту мысль, что существовавшая в советское время т.н. система оплаты труда не была на деле оплатой труда, но была развитой чрезвычайно широко системой

распределения пособий. Максима относительно труда как обязанности (а не способа добыть средства для существования) подчеркивала это идеологически. Широко развитый подневольный труд на зоне и в армии, где жизнеобеспечение не ставилось в связь с трудом советского человека и не было его ответственностью, показывал это практически.

Наши исследования позволяют видеть, что значительная часть трудящегося населения не только в госсекторе, но и в негосударственном секторе, по-прежнему трудится на предприятиях, которые по преимуществу сохранили институциональное устройство советских предприятий. Даже на предприятиях, подвергшихся приватизации, т.е. переживших трансформацию в виде превращения в т.н. акционерные общества, институциональные изменения коснулись лишь верхних слоев, расположенных там, где распределяется прибыль, где решаются вопросы взаимодействия с другими институтами. Не изменились технологии и материальные условия труда, не изменилось и социальное устройство предприятия. И теперь практически всё то работающее население, которое трудится на бывших советских предприятиях, продолжает в значительной степени получать не заработанную плату, а пособие.

Пережившая лишь ограниченные институциональные преобразования («реформы») советская экономика осциллирует от госкапиталистического к частнокапиталистическому режиму в зависимости от рыночной конъюнктуры. Сверхвысокая конъюнктура, создаваемая сверхценами на нефть, равно как и низкая, вызываемая кризисами разного рода, действуют одинаково. Как только конъюнктура резко улучшается/ухудшается, образующие ее предприятия переходят к раздаче пособий. В случае сверхприбылей это тоже пособия, но они имеют форму бонусов, не заработанных «подарков» вдобавок к зарплате, в случае убытков – выплаты «авансов» вместо зарплаты. Лишь в среднем, промежуточном между провалами и подъемами режиме, получаемое на руки трудящимися приближается к истинной заработной – заработной плате.

Сохраняющее с девяностых годов свою широчайшую популярность выражение «мы не живем, а выживаем» отражает именно это обстоятельство. В относительно небольшой части случаев оно означает, что люди находятся на грани биологического выживания. Более часто это метафора, которая указывает на то, что они пребывают не в режиме жизни как самоответственного предприятия, а в состоянии пассивного существования, которому они сами не хозяева. (Формула «от нас ничего не зависит», чаще всего употребляется в связи с выборами, но ее относят ко всему существованию в целом).

Так, собственно, обстоит дело со всеми пенсионерами. Динамика размера однажды назначенных им пенсий зависит не от их усилий, но от экономической и политической конъюнктуры.

В ходе преобразований, проведенных советской властью, прежде всего - коллективизации и индустриализации, массовых переселений, взаимоотношения человека с природным началом стали опосредованы обществом в лице институтов государства. Развал этой системы стал катастрофой для советского человека. Он оставил его неприготовленным к встрече один на один с природой, в том числе его собственной. Для пенсионеров проблемы здоровья и здравоохранения, медицинской помощи стабильно находятся на первых местах в списках проблем. В этом главное отличие, которое демонстрирует сословие пенсионеров от более молодых групп населения (кроме молодых родителей, которым так же остро нужна педиатрическая помощь их детям).

Попытка замены советской системы здравоохранения на систему страховой медицины может быть признана удачной только для относительно немногочисленной, но растущей категории людей, которые работают «за деньги», т.е. видят прямую связь между своими усилиями и получаемым вознаграждением. Лишь на собственно частных предприятиях, целиком построенных на началах рыночной экономики, люди ощущают на своем кармане размеры своего вклада. Особо эластичными по этому признаку оказываются заработки и вообще доходы менеджеров, высшего руководства, собственников.

В этом смысле и можно предложить разделение российских граждан на тех, чье имущественное положение определяется в большей мере их собственным активным участием в экономическом процессе, и тех, чье положение определяется прежде всего общей конъюнктурой. Эта категория,

как показали наши исследования, и в части средств и в части своих установок готова брать ответственность за собственное здоровье на себя или делить эту ответственность с профессионалами из частных или хозрасчетных медучреждений, которых они сами или их предприятие нанимает для того за их деньги²⁴.

Для остальных медицинское обслуживание в режиме страховой медицины оказывается просто ухудшенным вариантом деятельности государственных органов здравоохранения. В особенности это верно для пенсионеров (к этому обстоятельству еще придется вернуться).

Резюмируя, отметим, что «советский человек» воспроизведен – неполно, ущербно – общесоциальными условиями своего существования по всей толще российского общества, и для старшего поколения, пенсионеров, это верно в наибольшей степени. Можно говорить, что эта часть общества в силу своего возраста оказывается теснее всего связана с советской организацией бытия. Их возраст, во-первых, ставит их в условия почти полной зависимости от государства, воспроизводя тем самым основные характеристики советской системы. Их возраст, во-вторых, таков, что они в наибольшей степени успели познакомиться с этой системой в ее классической советской версии, социализироваться к ней. Они же пережили в конце 1980-х обольщение программами и планами полной замены этой системы самодействующими механизмами рынка и демократии, а потом жестокую фрустрацию от того, в каком виде явились к ним институты рынка и демократии, и какую цену взяли за свой приход²⁵.

Пенсионеры как социальная группа и политическая сила

Старость институционализована, то есть, закреплена в статусах и ролях, в социальной категории «пенсионеров». Как хорошо известно, именем «пенсионер» обозначается не просто факт получения человеком пенсии (получающие пенсию инвалиды с детства таким именем в народе не зовутся). Имя значит гораздо больше – это и своего рода исключение из социально-активного возраста и включение в категорию потенциально активных общественников, и многое другое.

Роль пенсионеров в нашем обществе велика, и ей предстоит лишь увеличиваться. Немаловажно, что в грядущее десятилетие это единственная массовая категория населения, которая будет расти.

Общеизвестно, что это наиболее активная в электоральном отношении группа. В ней наибольшая доля предсказуемо голосующих и лояльных режиму избирателей, но это – до последнего времени – и категория, наиболее готовая к участию в протестных акциях: в уличных демонстрациях, митингах, массовых (ненасильственных) действиях. Эта категория неминуемо будет включена в конфликт по поводу повышения пенсионного возраста (см. выше).

Пенсионеры в нашем обществе – категория с наиболее определенным и неизменным статусом и с наиболее сильным сознанием своего статуса. Этот статус низкий, но весьма четко определенный, он также силен своей массовостью. Эти люди сознают, что их много, и что у них одинаковые проблемы и одинаковые взгляды. Другой такой массовой однородной категории в российском обществе нет. Именно эта группа считает государство своим основным коммуникативным партнером. Эта группа состоит в общении с государством через три канала. Это общение через деньги, общение через социальные услуги и общение через СМИ.

Пенсионеры (если это не работающие пенсионеры) в материальном отношении почти целиком²⁶ зависят от государства, платящего им деньги в виде пенсии, и отбирающего таковые через цены на товары первой необходимости и тарифы ЖКХ.

Для этой социальной категории пенсии – основы стабильности, цены и тарифы – причины нестабильности. И то и другое – в их дискурсе – на ответственности государства и только государства. Они не признают и не признают никаких посредников. В повышении цен и тарифов всегда будет виновно государство. Существенно, что выплата пенсий и их индексация, повышение

никогда не будут вызывать благодарности по отношению к государству. Оно лишь выполняет свои обязанности (обязанности, а не обязательства!) перед ними.

На перспективу в 10 лет категория пенсионеров останется категорией без накоплений. Эта часть населения не совершает крупных покупок. (Речь идет о покупках для себя; иногда сделанные пенсионерами накопления расходуются на крупные покупки в интересах более молодых членов семьи). Она располагает зачастую значительной по нашим меркам собственностью в виде квартир, но при существующем состоянии рынка недвижимости и существующих внутрисемейных отношениях, эта собственность практически не ликвидна, ею не торгуют, а чаще всего просто передают по наследству. Иначе говоря, размеры этой собственности в денежном выражении не фигурируют в их повседневном дискурсе, не влияют на их поведение.

Имущественное расслоение общества весьма заботит пенсионеров как идеологическое и моральное обстоятельство. Но это расслоение не в их среде, а то, о котором они узнают из СМИ. Они готовы противопоставить себя как «бедных» всем «богатым», которых они видят только по телевизору. Расслоение внутри среды пенсионеров как фактор их политической ориентации и активности практически не ощущается.

Внутри своей среды пенсионеры по имущественному признаку делятся на очень бедных («одинокая старушка в деревне») и остальных. Собственно это разделение на одиноких, с одной стороны, и живущих с семьей своих детей/внуков, с другой²⁷. Имущественный аспект здесь таков. Одиноким не хватает пенсии до следующего месяца и им никто не может в это время помочь. У семейных этих «провалов» нет. В то же время одинокие всю пенсию тратят только на себя. Семейные пенсионеры очень часто тем или иным способом вносят свою пенсию в бюджет семьи. В периоды кризиса и безработицы пенсия старшего члена семьи может оказываться единственным регулярным монетарным доходом семьи, (а картофель, огурцы и лук с садового участка, где трудится в основном он же, единственным доходом в натуральной форме). Льготы, получаемые старшим членом семьи - пенсионером (бесплатный проезд, скидки на тарифы и пр.) иногда оказывались весьма существенным ресурсом для семей, находящихся в кризисной ситуации.

Богатых пенсионеров не существует. Если это члены богатой семьи, и они участвуют в ее потреблении, или если у них есть большие накопления, то пенсия, текущие цены и тарифы для них не имеют значения, они не состоят в зависимости от государства, они не «пенсионеры». Таких мало, и они не участвуют в общественной жизни как пенсионеры. Если и участвуют, то как представители зажиточного класса. Богатые пожилые люди не общаются со своими ровесниками.

В нашем обществе у людей есть два ресурса: деньги и время. Избыток одного предполагает недостаток другого. У пенсионеров в недостатке деньги, но в наибольшем количестве располагаемое время. Поэтому они могут «сидеть» с внуками, компенсируя тратой своего времени недостаточность и недостатки детских учреждений, «стоять» в очередях, компенсируя тратой своего времени недостаточность и недостатки взрослых учреждений обслуживания.

Самой главной для них услугой является здравоохранение, точнее медицинская, социальная и психологическая помощь, де-факто осуществляемая через органы здравоохранения. Пенсионеры пользуются той формой медицинского обслуживания, которую они считают государственной и бесплатной. Как сказано, они готовы платить своим временем, но не готовы деньгами.

Пенсионеры переполняют поликлиники. Они предъявляют повышенный спрос на койко-места в стационарах. Медпомощь пенсионерам имеет значительную специфику, включает значительный компонент психотерапии, социальной поддержки, социальной помощи, т.е. непрофильных для системы здравоохранения навыков и услуг. Гериатрическая специфика в собственно медицинском обслуживании также велика. Меж тем, медицинские учреждения, через которые оказывается помощь этой категории населения, не специализированы (например, так, как педиатрические). Системе перешедшей на платность, сложно продолжать оказывать бесплатные услуги пенсионерам. Она идет на снижение качества этих услуг, прежде всего, именно в их медицинской

составляющей. Нередко выражаемые вслух резоны таковы: пенсионеры объективно мешают там активному работающему населению получать стандартные медуслуги.

В учреждениях, оказывающих другие виды услуг и помощи (юридическая помощь, коммунальные услуги и пр.) существуют эти же проблемы, выраженные с разной степенью остроты.

Еще раз подчеркнем, что с точки зрения пенсионеров, за все дефекты названных систем несет ответственность государство. Более точно – это частные случаи, примеры безответственности государства, то есть, ответственности нынешнего государства за разрушение прежнего (советского) государства, которое для них выступает эталоном «отношения к человеку».

Общение пенсионеров с государством в символическом плане происходит через посредство телевидения. Значимыми являются только три федеральные канала. Они покрывают всю или почти всю населенную территорию страны. Их, и только их программы и передачи смотрит эта часть населения. Для нее нет альтернативных источников информации по большинству тем и сюжетов. Ни Интернет, ни центральные газеты/журналы не являются для них значимыми каналами. Важны для них местные теле- и радиовещатели, местная периодика, которую читают прежде всего пенсионеры, но они трактуют только локальные темы.

Эта аудитория позитивно восприняла предложенную основными каналами ретро-ориентацию в области кинопоказа, области массовой культуры, символических действий, типа празднований, юбилеев и т.п. Она приняла как адресованные именно ей символические жесты по восстановлению советской символики, однако нельзя утверждать, что этими средствами удалось «купить» лояльность этой аудитории.

Как и в случае с системами обслуживания, эти потребители не воспринимают работу телевидения и других систем, которые они считают государственными, в качестве услуги, т.е. действий, которые в принципе наподобие товара имеют стоимость и цену. Они ее воспринимают в качестве блага, т.е. того ресурса, который изначально принадлежит им по их неотъемлемому праву. В обязанность государства входит предоставлять им это благо. Таков, по их представлению, порядок вещей.

Важно, что эти отношения пенсионеров с государством представляются им само собой разумеющимися. Здесь, кажется, можно было бы вести речь о социальном контракте, суть которого такова: пока пенсии платят, базовый социальный порядок существует. Но нарушение этих отношений немыслимо для обеих сторон. Этим он отличается от контракта, который в принципе может быть расторгнут при тех или иных условиях. Протест пенсионеров при попытке монетизации льгот был вызван вовсе не тем, что они почувствовали себя экономически ущемленными, либо обманутыми. Произошло нечто, с их точки зрения, куда более плохое: государство, отменяя льготы, показало, что оно более не состоит с ними в особых отношениях. Немедленная реакция властей, отозвавших свои инициативы, показывает, что и эта сторона признала священность (а не условность) этих отношений.

Политическая роль пенсионеров. Пенсионеры, как убеждены все политики – наиболее лояльная, послушная и доступная манипуляциям категория избирателей. Это действительно наиболее лояльная среда, но это же - единственная социальная группа, внутри которой существует ощутимая идеологическая оппозиция режиму Путина. Она не имеет почти ничего общего с либеральной оппозицией (Немцов, Каспаров, Лимонов и др.), но именно в этой среде находилась во все годы путинского правления наивысшая доля тех, кто осмеливаются говорить интервьюерам Левада-Центра, что их не устраивает то, как Путин исполняет свои обязанности на посту президента или премьера. (Например, летом 2011 г. среди молодых людей заявляли, что не одобряют деятельность В.Путина на посту премьера – 23%, среди пожилых – 36%).

Старческое сознание как политический ресурс. До выступлений молодежи на Манежной площади в Москве и аналогичных демонстраций в других местах в декабре 2010 года не приходилось говорить о политической ее активности. Место молодежи как заведомо главного активного политического слоя в нашей стране занимали пенсионеры. Активность молодежи в других странах принято объяснять ее относительной свободой, невключенностью в корпоративные

структуры с их дисциплиной и пр. Это же верно и для пенсионеров. Они, как это ни парадоксально, ведут себя свободнее всех остальных групп в обществе²⁸.

Нынешние пенсионеры встретили эпоху перестройки и гласности, эпоху ломки тоталитарного режима, находясь в активном возрасте. Это они тогда были основной массой на полумиллионных митингах в Москве и менее людных – в других городах. Уроки (митинговой) демократии если и были восприняты, то именно этим слоем.

Есть определенная закономерность в развитии идеологических привязанностей, давно отмеченная британскими наблюдателями: те, кто в молодости были социалистами, к зрелым годам переходят в консерваторы. Эта закономерность в России выполняется по-своему: те, кто в зрелом возрасте были «демократами» (по терминологии 90-х), переходя в пенсионный возраст, становятся сторонниками КПРФ. В 1980–1990-е годы, во времена их «демократической фазы», сторонниками КПСС/КПРФ - в этом смысле их тогдашними политическими оппонентами - были люди, которые были их старше на полпоколения, те, кто прожили в условиях советского строя основную часть жизни. «Демократы 80-х-90-х» пережили разочарование в реформах Горбачева-Ельцина, (но также многие и в действиях Путина) - и перешли на позиции своих бывших оппонентов, «советских людей», стали поддерживать КПРФ. Разумеется, нынешняя КПРФ не есть партия борцов за коммунизм. Если брать не ее программные заявления, а позиции тех, кто ее поддерживает на выборах, то видно, что она объединяет сторонников государственно-социалистического строя в его советском варианте. По отношению к существующему режиму они выступают с критикой со стороны консервативно–фундаменталистской, но одновременно и с требованиями соблюдения законов. В ценностной основе имеющегося имиджа КПРФ есть, таким образом, нечто созвучное положению старшего поколения как такового в современной России. Иначе говоря, КПРФ оказывается политической силой в той мере, в какой она является партией пожилых людей.

Гражданскую и политическую активность, которую во многих странах обычно демонстрируют студенты, у нас, повторим, проявляют пенсионеры, обнаруживая сходство социальных предпосылок к тому со студенчеством. И те и другие меньше подвержены контролю и давлению со стороны основных управляющих инстанций в обществе, поскольку еще или уже не работают, т.е. еще не вошли в или уже вышли из корпораций, каковыми являются предприятия и учреждения с их разносторонним контролем над наемными работниками.

Пожилые люди играют значительную, порой решающую роль во внутренней и внешней политике страны, но не как активная, а как пассивная сторона. В действиях политиков, прежде всего, действиях символических, демонстративных, пожилые люди выступают в качестве целевой группы, адресата. Часть программ, действий, политических линий открыто и прямо адресована этому сегменту общества, демонстрирует заботу о нем, понимание его нужд²⁹.

Во второй половине 1980-1990-х годов представители нынешнего старшего поколения сначала поддержали М. Горбачева и предложенные им перемены, потом Б. Ельцина с его заманчивыми обещаниями. Но это привело к результатам, которых они не ожидали. Для большинства старых людей эти события означали утрату сделанных за жизнь социальных накоплений, независимо от того, выражались ли они в деньгах, в научном, профессиональном и житейском опыте, в праве на авторитет, уважение, самоуважение.

Как мы говорили, концепция старения, негласно принятая в нашей стране, подразумевает как априорное уважение к опыту старших, так и - в свой час - его утрату. Перемены, потрясшие Россию, привели к тому, что этого социального капитала лишили все поколение разом. Ходячее выражение «ограбление народа» имело столь широкое распространение именно потому, что даже те, кто не терял в деньгах, переживали символическую депривацию, причем не в одиночку, а коллективно. Последнее создавало ощущение, что они — «народ».

Другая часть общества, молодые, впервые за долгое время получили возможность исключительно быстрого накопления материальных и различных символических благ. Как мы уже отмечали выше, сложилась неведомая другим обществам перевернутая пирамида богатства. Вместо обычной

закономерности (чем старше человек, тем больше у него накоплений) у нас почти десятилетие подряд действовал обратный закон. Основные активы тогда оказались в руках молодой части общества.

Основные инструменты политического влияния и контроля также перешли к новым или существенно обновленным группировкам. Сложилась ситуация, при которой страна могла сделать рывок, сравнимый с рывком 1920–1930-х годов, когда управление страной также находилось в руках молодых элит, опиравшихся на молодую часть общества. Но, как выяснилось, «молодые» элиты нынешней волны не располагали достаточным запасом идей по реформированию общества. Разочарованное старшее поколение обратилось вновь к тем символам, которые были усвоены ими в «прошлой жизни». «Коммунизм», «социализм», «Советская власть», «Советский Союз» — все это отсылает к одному и тому же общему символическому целому. Оно обладает очень важными качествами: равно доступно всем (в воспоминаниях) и безусловно утрачено всеми вместе с утраченными каждым собственными материальными и/или символическими ресурсами.

Под знаменами ностальгии и реванша оказались люди, которых объединял общий признак - старость, с ощущением, что они обладают бесценным опытом, и предчувствием, что этот опыт не востребован, а его носители вытесняются из жизни. Подчеркнем: в нормальных условиях эта социальная программа старости реализуется для каждого в индивидуальном порядке. Здесь же она осуществляется в масштабах всего общества. Объединенное общей обидой, общей судьбой и общей идеологией старшее поколение могло стать огромной силой. Нашлись политические лидеры, которые захотели ею воспользоваться.

В тех случаях, когда предпринимались и предпринимаются политические шаги консервативного и консервирующего характера, вроде возвращения советской символики, возвращения к политическим ориентирам советского времени, подразумеваемым обоснованием является ориентация на (воображаемую) позицию «старшего поколения», «ветеранов». Это, так сказать, наши «добрые старые ценности», дорогие нам в силу почтения к ветеранам. Между тем, за давностью лет реальных ветеранов, исконных носителей подобной идеологии уже нет среди активных политических сил. Есть люди, которые в силу приближения к старческому возрасту принимают эти «ветеранские» символы и причитающееся почтение. Но, самое главное, есть политики - сколь угодно молодые - которые имеют интерес в том, чтобы навязывать обществу в целом старческий консервативный дискурс, ради того, чтобы сохранять свою роль правителей и не уступать место политикам, предлагающим более новые модели.

Этот способ – один из самых широко применяемых в российской политике в качестве тактического средства. Надо отметить небезобидность такого приема для целей национального развития. Применение раз за разом подобной тактики превращает ее в стратегию. Россия как страна становится и в собственных глазах и в глазах окружающего мира консервативной силой. Такая репутация как стигма получает в свою очередь собственную инерцию, загоняя страну в соответствующую нишу еще глубже.

Ретроориентация российской общественной жизни, когда все идеалы ищутся в историческом позавчера или еще более давнем прошлом, является одним из элементов описанной выше стратегии. Она сочетается с возникшей еще в 90-е годы - в результате последовательного краха и коммунистической, и демократической перспективы - блокировкой будущего в массовом сознании. Эта блокировка или, по удачной формулировке Л. Гудкова, «аборт будущего», заключается в отказе видеть, обсуждать будущее своей страны как положительное состояние. Общественное сознание дает согласие рассматривать только перспективы физического или политического «конца света». Последний существует под названием «третья мировая война», или «гражданская война» и «распад России». Ничье и никакое существование за этим пределом не рассматривается.

Старческий по типу дискурс оказывается господствующим в обществе. Отметим, еще и еще раз, что он не связан с возрастом элиты. В эпоху брежневской и постбрежневской геронтократии такого не было. Ныне же, когда властвующая элита состоит из относительно молодых людей и ее главные символические фигуры акцентируют признаки молодости в своем имидже – катаются на

горных лыжах, демонстрируют обнаженный торс и т.п. – их риторика и дискурсивная практика в темпоральном плане остаются старческими, не включающими будущее.

В этом смысле они воспроизводят конструкцию, которая присуща сознанию обывателей. В нем дискурсы резко разделены на публичный и приватный. В рамках последнего будущее есть, оно практически освоено. Люди делают различного рода инвестиции, заключают фьючерсные контракты в отношении различных видов капитала, прежде всего – социального в форме образовательного, планируют будущее своих детей на десятилетия и пр. Для пожилых характерно, уповать на «молодых», и вообще «молодость» является здесь главным футуро-ориентированным состоянием. Но это, повторим, в частной жизни каждого человека, его семьи, его близких.

При переходе в общественное пространство люди перестают видеть будущее. Недаром политики лишь недавно решились предлагать стратегии, планы на десятилетие вперед. Общественного резонанса, что характерно, эти планы не получают. Старческое по типу общественное сознание имеет перспективой только свой скорый конец, думать о котором оно себе запрещает. Борясь с сознанием неизбежности этого конца, оно начинает приписывать свой конец, свое поражение козням и злоумышлениям врагов, активно порождает разнообразные фобии и подозрения относительно всех, кто его окружает.

Еще во времена М. Горбачева к «перестроечной» риторике начали добавлять социальную демагогию, рассчитанную на «обездоленных», т.е. в первую очередь, стариков. Далее не было ни одного политика, который хоть раз не попробовал бы привлечь на свою сторону пожилой электорат. Постепенно сложилась новая норма представления социальной реальности. Она вобрала в себя основанный на ностальгии и обиде дискурс стариков.

При этом реальные экономические и социальные меры правительства, активность предпринимателей учитывают интересы старшего поколения лишь постольку, поскольку это им выгодно с точки зрения их интересов и целей. Экономическая политика во многом является «либеральной», предоставляющей людям, в т.ч. пожилым, самим заботиться о себе. Но символическое покрытие всей действительности через СМИ осуществляется теперь как развертывание идеологии «старших», а она является лево-социалистической, «советской» родной для «советского человека». По аналогии с описанными выше механизмами старческого/архаического сознания, забытые песни и другие семантические конструкции отмененного было прошлого всплывают в общественной памяти, которая теперь работает как память старческая. Молодые могут строить свои представления о мире, о стране лишь как частные, не имеющие свойств нормативности, всеобщей обязательности. В итоге Россия видит себя более бедной и разоренной, чем она есть на самом деле, но развивает претензии и амбиции, которые не может обеспечить своим реальным потенциалом.

Послесловие

Основная работа над этим текстом была закончена, когда последовала серия ярких событий в общественной жизни страны в декабре 2011- феврале 2012 года. На момент написания этого послесловия – в канун президентских выборов - можно констатировать следующее. За этот короткий период часть российского общества (прежде всего в среде образованной публики столиц) в своем понимании себя, своих отношений со страной, с властью, с прошлым и будущим совершила огромный рывок. Развившийся в этой среде публичный дискурс ни в коем случае уже не может быть назван старческим, скорее он имеет черты молодого – хотя в демографическом отношении состав его носителей включает все возрасты с доминированием среднего (25-40 лет). В рамках этого дискурса начали активно обсуждаться различные проекты будущего, различные варианты радикального изменения общественного строя. Но и в этом дискурсе (на данный момент) продолжали сохраняться существенные следы описанного в данном разделе состояния общественного сознания: зияние на месте будущего приобрело две зафиксированные нашими исследованиями формы.

Первая, характерна для наиболее авангардных ментальных конструкций. Рисуя, например, будущий строй как вариант парламентарной республики, она оставляет без объяснения то, как

может состояться переход к нему от наличного президентского строя. Революция в форме восстания, бунта, насильственного свержения власти категорически отвергается этим сознанием – этот вариант считается одновременно и весьма вероятным и определенно катастрофическим. Он приравнивается к концу света, ибо приведет, по преобладающим воззрениям, к упоминавшемуся выше неприемлемому финалу – гражданской войне, которую Россия не переживет и в которой закончит свое существование как страна и как нация.

Другую остаточную форму указанное зияние сохраняет в сознании той части публики, которая затронута указанными процессами экспресс-трансформации, но не решается полностью им отдаться – и в этом смысле занимает промежуточное положение между авангардом и массой, которая еще не отреагировала на этот импульс. Это сознание отдает себе отчет в неизбежности перемен, но имеет своего рода «слепое пятно», не позволяющее видеть, представить себе, в чем будут заключаться эти перемены. И, как и описанное выше авангардное, не ведает, как из нынешнего стагнирующего состояния может произойти переход к тому новому. В результате это сознание сужает свое видение будущего до убежденности, что «сначала все будет по-старому (та же власть, тот же режим), но потом что-то, наверное, изменится».

Сознание остальной, то есть в количественном отношении основной части населения, также постепенно начинает приоткрывать для себя будущее. Черт эсхатологизма в нем нет, на их месте находится скорее возвращение к амальгаме из двух утопий – советской и постсоветской («демократической»). На рассматривавшемся выше языке поколений это можно выразить так: пожилое большинство мысленно передает молодому меньшинству то лучшее, что у него было в прошлом, желая, чтобы это стало его будущим.

¹ Левинсон Алексей Георгиевич – руководитель отдела социокультурных исследований Аналитического центра Юрия Левады.

² В статье использованы данные регулярных опросов общероссийских опросов общественного мнения, проводимых Левада-центром по репрезентативной выборке населения РФ в возрасте 18 лет и старше. Объем выборки 1600 чел.

³ Результаты 2011 г. почти не отличаются от приводимых. Обнаруженные значимые отличия обсуждаются ниже.

⁴ В претензиях старшего поколения одно из важнейших мест занимает тезис о «разрушении советской системы обучения», «советской школы». В этой связи заслуживает особого внимания вопрос об объемах и характере власти над несовершеннолетними детьми, которую имели в построенных по советской модели воспитательных и образовательных заведениях «взрослые» в роли воспитателей, педагогов. Эта власть по своему способу отправления может легко становиться и часто становится авторитарной, неограниченной и тоталитарной, т.е. распространяющейся на все стороны жизни подчиненных – детей. Особо важно, что школу такой власти проходит практически все население страны. В школе досоветской и советской эпохи ограничением этой власти оказывалось организованное сопротивление детских коллективов. В современной школе, как показали наши исследования, стал типичным конфликт, при котором статус (авторитет) учителя подрывается его имущественной необеспеченностью. Кроме того, часть родителей перестает видеть в учителе государственного служащего, наделенного в силу этого статуса властными полномочиями, и трактует его роль как роль работника, оказывающего их детям услугу, за которую ему платят родители, т.е. игнорируют притязания учителя на властные полномочия в отношении их детей. У учителя исчезает власть и остается – если остается – только авторитет. В этом одно из оснований для упомянутых стариковских обвинений в «развале школы».

⁵ Наличие в возрастных дефинициях властно-статусного компонента особо наглядно проявляется при использовании их для обозначения чинов и званий в армии и на производстве. «Младший» или «старший» лейтенант, «младший» или «старший» научный сотрудник, «старший» инспектор и т.п. суть вневозрастные определения статусов. Практика разжалований подчеркивает, что

сохраняющаяся временная характеристика (в норме старшим становятся, как и при взрослении, после младшего) может игнорироваться – что для возрастного процесса непредставимо. Возраст как самоё время считается природным и потому «в реальности» необратимым или обратимым лишь в воображении.

⁶ Эта проблема как одна из проблем нуклеаризации семьи детально рассмотрена в: Борусяк Л.Ф. Статистическое исследование нуклеаризации семей в СССР. Дисс. ... канд. эк. наук, М.: МЭСИ, 1983.

⁷ Приводимые данные не следует считать оценками реальной сексуальной активности населения. Табу на обсуждение подобных тем действует достаточно сильно, в ситуации личного интервью тем более. В среднем четверть опрошенных отказались отвечать на этот вопрос. Внутри этой группы отказавшихся можно предполагать наличие как тех, кто стесняется сообщать о своей половой активности, так и тех, кто стесняется сообщать о ее отсутствии. В каких пропорциях находятся эти категории респондентов в разных половозрастных группах, мы из этого опроса узнать не в состоянии.

⁸ Характерным образом снижается до 16% доля отказывающихся от ответа. Можно предположить, что доля имеющих сексуальную жизнь в этом возрасте весьма невелика (открыто заявляют об удовлетворенности своей сексуальной жизнью лишь 3%). Норма предписывает в этом возрасте не вступать в половые сношения. Но и жизненные обстоятельства старых людей также к этому не располагают, потому им скрывать от интервьюера нечего. Среди этих обстоятельств отметим и такое общеизвестное, как гендерная асимметрия, которая тем сильнее, чем старше возрастная группа. В самых старших группах мужчин исчезающее мало.

⁹ В любом случае эти учреждения являются средством вытеснения стариков из жизни. Вдобавок вытесняются из социального пространства сами эти учреждения. Они не только размещаются на социальной периферии, но и достаточно активно уничтожаются «случайными» пожарами, частота и регулярность которых не могут не привлекать внимания, как, впрочем, и общественное равнодушие, с коим встречаются известия об этих пожарах.

¹⁰ Здесь необходимо указать, что существенно иные воззрения на вопросы жизни, старения, смерти, нежели развиваемые нами, предлагают сторонники такого направления, как трансгуманизм. Направление является слишком широким, чтобы обсуждать его в рамках нашей работы. Оно к тому же содержит внутренние течения весьма разного характера. С некоторыми из них, такими, например, как либертарианский трансгуманизм, наши воззрения имеют немало общего в посылах (но не выводах), с другими расходятся вплоть до полной противоположности. Отметим лишь тот факт, что затронутая нами антропологическая и социологическая проблематика старения и смерти дополняется в этом направлении опирающимися на современные био-, нано- и другие технологии философскими и натурфилософскими усилиями по противостоянию и старости, и смерти. В отношении к этим усилиям нам близки позиции, выраженные в статье: Юдин Б.Г. Сотворение трансчеловека (линк на Аналитику)// Вестник Российской академии наук, 2007, том 77, № 6, с. 520—527

¹¹ «Отправная точка демографического перехода - небывалое снижение смертности... На протяжении тысячелетий высокая смертность была одним из краеугольных камней, на которых выстраивалось все здание культурных норм, религиозных и нравственных предписаний, регулировавших поведение людей в демографической сфере. ...Большое число детей рассматривалось как безусловное благо. ...Резкое снижение смертности привело к тому, что многие из этих норм утратили смысл, начались их эрозия, поиск форм организации частной жизни людей и их культурной оболочки... Снижение рождаемости стало количественным ответом на снижение смертности, но оно повлекло за собой качественные изменения, нередко объединяемые понятием «второй демографический переход» и затрагивающие нормы репродуктивного поведения, формы брака и семьи, внутрисемейные отношения, половую и семейную мораль и т.п.». Вишневский А.Г. Демографический переход и культурное разнообразие.

¹² "Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих"

(Евангелие от Иоанна, 15.13, Синодальный перевод).

¹³ «От чего же умирает так много российских мужчин в столь сравнительно молодом возрасте? Список причин возглавляют сердечно-сосудистые заболевания, за которыми следуют "внешние воздействия". Последние, к которым относятся помимо прочего убийства, самоубийства и несчастные случаи, в расчете на число жителей встречаются в России в четыре раза чаще, чем в странах ЕС. Злоупотребление алкоголем является причиной 72 процентов случаев убийств и 42 процентов - самоубийств. Сердечно-сосудистые заболевания оказываются также связанными с чрезмерным употреблением алкоголя... Сегодня россияне старше 14 лет употребляют в среднем от 15 до 18 литров чистого алкоголя в год... В типичных российских промышленных городах от 31 до 52 процентов смертельных случаев среди мужчин связаны с алкоголем». См.: Зиверт Ш., Захаров С., Клингхольтц Р. Исчезающая мировая держава. Демографическое будущее России и других бывших союзных государств. Перевод с немецкого языка Ю. Штраух // Берлин, Berlin Institute for Population and Development, 2011, 1, с. 24.

¹⁴ См. Никонов А. Добей, чтоб не мучился // СПИД-инфо, 2009 № 25.

¹⁵ Королева С., Левинсон А. Организации негражданского общества. // Pro & Contra. 2010, №1-2 (48) (январь-апрель), с.47 и далее.

¹⁶ В своем Президентском послании в 2006 г. глава государства коснулся судьбы детей с отклонениями и указал пути изменения общественного и государственного отношения к их судьбе – такой, который ставил бы Россию на одну цивилизационную плоскость с современными западными обществами. См. Путин В.В. Послание Федеральному собранию Российской Федерации // Российская газета, 2006, 11 мая.

¹⁷ См. многократно подтвержденный в опросах результат. На вопрос «На кого вы можете рассчитывать в случае необходимости?» наиболее массовый ответ «Только на себя». Однако, дающие этот ответ, указывают не на норму, а на отклонение от нее. Нормой, в их понимании, являются взаимопомощь людей и помощь им со стороны государства.

¹⁸ Об этом см. : Левинсон А. Опыт социологии. М., 2004, с. 580, 591.

¹⁹ Наши опросы с самого их начала в позднесоветские годы и далее устойчиво показывали выраженное нежелание отдавать в армию сыновей, хотя с начала 2000-х гг. стали показывать высокое почтение к армии как к символической сущности.

²⁰ Ю.М. Лотман указывал на то, что кроме механизмов социальной памяти следует иметь в виду и механизмы социального забывания. Возможно, описываемые механизмы относятся к таковым. См. Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры. // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.3. Таллинн, 1993, с. 330

²¹ Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978, с. 116–121.

²² Отметим попутно, что эвтаназия как относительно авангардная практика, с трудом получающая право на существование в западных обществах, у нас встречает относительно небольшой протест. А именно: 42% опрошенных в 2009 г. сочли ее допустимой (против 45%). Стоит отметить, что, например, на клонирование животных наше общество накладывает куда более жесткий запрет (70%).

²³ См. Красильникова М.Д. Культура бедности. Постсоветский комментарий к Веблену // Вестник общественного мнения, 2011, №1(107), с.37-38.

²⁴ Часто представителей этой категории зачисляют в т.н. «средний класс». Возникающие при этом методические и иные сложности мы обсуждаем в: Левинсон А.Г. и др. О тех, кто называет себя «средний класс» // Вестник общественного мнения 2004, №5; он же. О категории «средний класс» // Spero, 2009, №10, с.115 и далее.

²⁵ Констатируя этот факт, отметим, что ситуация в российском обществе им не исчерпывается. Возник не существовавший в советское время (или не существовавший как легальный) сегмент общества, который живет на собственной ответственности.

²⁶ Важным исключением является личное подсобное хозяйство («садовый участок», «дача», «огород»)

²⁷ Одиночество в этой возрастной группе образует одну из острейших проблем, имеющих свои экономические, экзистенциальные, гуманистические и психиатрические и иные проекции. На принципиальную неразрешимость этой проблемы указывал в свое время Дж.Морено.

²⁸ В обстоятельствах конфликта тех или иных групп населения с местными властями нередко лидером оказывается пенсионер. В зависимости от местных условий давление властей на такого активиста, т.е. репрессия, может принимать достаточно жесткие формы, включая угрозу здоровью и жизни. Однако, пенсионера отличает от других граждан то, что лишить пенсии – основы его социального статуса – местные власти не в состоянии.

²⁹ При желании можно искать этому объяснение в общей российской культуре, декларирующей заботу о пожилых, о ветеранах в качестве ценности для всех. Власть, проявляющая такую заботу, считается, может рассчитывать на благодарность как собственно пожилых, так и остальных, более молодых жителей страны. Здесь мы не будем обсуждать, насколько основателен данный расчет, насколько эмоциональными или рациональными являются стремления властей сделать что-то в интересах старшего поколения.